

Азуса Кориева

НАСТЕДНИКУ КНЯЗЯ ТАТАРИНА

Лариса Королева

Наследники князя Гагарина

«Издательские решения»

Королева Л.

Наследники князя Гагарина / Л. Королева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931050-7

В 1917 году курсистка Алиса бежит из Санкт-Петербурга, прихватив из квартиры своего любовника князя Гагарина коллекцию русского авангарда. 60 лет спустя в Баку из-за этих картин убивают её детей-близнецов. Виновники наказаны, но коллекция исчезла. В 2003 году в Москве правнук князя предприниматель Таир выходит на след своего потерянного в детстве наследства и знакомится с филологом Ладой. Таир обретает в девушке помощника в поисках картин, но в это время кто-то начинает охоту на них самих.

ISBN 978-5-44-931050-7

© Королева Л.
© Издательские решения

Содержание

Лариса Королёва	6
Наследники князя Гагарина	7
ПРОЛОГ	8
21 марта 1971 года, Баку	10
30 ИЮЛЯ 2003 ГОДА, СОЧИ	18
6 АВГУСТА 2003, МОСКВА	25
2 октября 2003 года, Москва	30
6 октября 2003 года, Москва	34
4 ноября 2003 года, Москва	36
1 июля 1977 года, Баку	39
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Наследники князя Гагарина

Лариса Королева

Дизайнер обложки Марина Коломийцева

© Лариса Королева, 2018

© Марина Коломийцева, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-1050-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лариса Королёва

Наследники князя Гагарина

ПРОЛОГ

Асфальт постепенно покрывался мелкими каплями осеннего дождя, предсказанного синоптиками в виде «грозовых ливней», пылью пахло, однако раскатов грома не слышалось, по крайней мере, в этом районе Москвы. Редкие тучи оказались экономными и лишь скупо побрызгали на дома и тротуары, не умыв толком притихшие деревья и не напитав землю живой влагой. Гонимые очередным циклоном, косматые облака неспешно следовали в северном направлении. Вадим двигался в южном. Если, конечно, это ерзанье можно было назвать движением. Он резко откинул голову назад, уткнувшись затылком в кожаный подголовник, и в бессильной ярости забил кулаком по клаксону. Это был жест отчаяния. Конечно, истеричными гудками делу не помочь, сигнал, не сигнал – из пробки не выбраться. Разве что взлететь прямо с места, без разбега и пронестись над забитым автотранспортом проспектом, поражая воображение прохожих, коллег по несчастью и инспекторов дорожного движения, а потом приземлиться в чужом стареньком BMW, как на сказочном ковре-самолете, у места запланированной встречи, сулящей исполнение самого заветного желания.

Вадим смачно выругался и в сотый раз за последние сорок минут взглянул на часы. Если верить дешевым штампованным «Rolex», призванным символизировать позолоченную «фирму», то дама дожидается его уже минут пятнадцать. Конечно, она тоже могла, согласно этикету, немного припоздать, но к тому моменту, когда он прибудет на место, все приличные сроки возможной задержки будут окончательно исчерпаны.

Сегодня все с самого утра было против него. Закончился любимый дезодорант, обдав подмышку не охлаждающей душистой струей, а сухим воздухом, утратившим былой аромат. Самая приличная рубашка оказалась не слишком чистой, на другой не хватало сразу двух пуговиц, и пришлось влезать в обыденный серый джемпер. Впрочем, он шел ему гораздо больше официальных одежек, и Вадим вышел из дома весьма довольный собой. И даже заставший его у самой двери телефонный звонок квартирной хозяйки, которая сообщила, что со следующего месяца повышает арендную плату, не слишком вывел его из себя. Но дальше пошло хуже.

Выпросил у товарища машину, но тот прибыл в условленное место гораздо позже, чем договаривались. И все же приглашенный на важную встречу выехал загодя, с достаточным запасом времени, но при этом не взглянул на показания приборов, и упорное мигание желтой лампочки стало для него полной неожиданностью. Экономный приятель, по-видимому, решил, что заправляться должен тот, кто ездит, но не подумал о том, что в центре города не так-то просто вырулить к заправке, и пока Вадим выжигал последние капли драгоценного топлива, притормаживая и снова газуя у каждого светофора, бензин вышел весь.

И он, как мальчишка, бегал с найденной в багажнике пластиковой бутылкой из-под «Фанты» от машины к машине, пока не уговорил понимающего и не слишком спешащего пожилого водителя, который позволил отлить из бака своей новенькой «семерки» два литра бензина. На дне бутылки застыли несколько пахучих мутноватых капель, и Вадим подумал, что его товарищ наверняка уже использовал ее как канистру. Рядом валялся огрызок зеленого шланга, имевший такие неровные края, будто его не отрезали, а перегрызли, и хуже всего было то, что бензин из чужого бака пришлось отсасывать. Конечно, немного попало на язык, и теперь он не мог избавиться от неприятного привкуса во рту.

Водитель вспомнил, что в кармане куртки завалялась пластинка жевательной резинки, извлек ее, измятую, в серебристой фольге с налипшими крошками табака, торопливо развернул, засунул в рот, жадно принялся жевать и только тогда понял, что чертовски голоден. Может, его накормят? Непременно, усмехнулся он про себя. Если дождется.

Надо было не выделяться, а просто поехать на метро. Давно бы уже был на месте. Но хотелось предстать в лучшем виде, показать, что и он не нищий, по крайней мере, не без-

лошадный. Надо же было после свидания отвезти ее домой. Не на троллейбусе же! А может, и сейчас еще не поздно рвануть на метро? Да где уж тут! Все равно придется дожидаться, пока рассосется пробка. Разве что бросить автомобиль прямо здесь, посреди дороги?..

К условленному кафе Вадим подъехал с сорокаминутным опозданием, припарковался таким образом, что перекрыл выезд двум другим машинам и, едва захлопнув дверцу BMW, опрометью бросился внутрь. Может, еще не ушла? В конце концов, она наверняка решит пообедать. Отчего бы мадам себя не побаловать, тем более что, учитывая сложившуюся ситуацию, она вряд ли станет утруждаться готовкой.

Он окинул быстрым цепким взглядом полупустой зал и чуть не застонал от разочарования. Только два столика заняты. За одним – двое молодых мужчин чокаются рюмками с коньяком. За другим – две совсем еще юные девчонки в салатиках вилками ковыряются. Обе пары бросают друг на друга долгие и откровенно изучающие взгляды. Того и гляди объединятся. Но ему-то до этого что?

Вадим кинулся навстречу к спешащей поприветствовать его светловолосой официантке, одетой в тот национальный костюм, который современным модельерам представляется исконно русским. Они столкнулись, девушка торопливо извинилась, отступила на шаг и застенчиво улыбнулась, прижимая к груди синюю кожаную папку с меню. Впрочем, она тут же преодолела секундную неловкость и профессионально отработанным широким жестом пригласила клиента присесть.

– Здравствуй, красавица. У меня здесь назначено свидание, – начал Вадим хорошо поставленным бархатным голосом, которым заслушивались даже самые капризные его клиентки, недовольные жизнью и самими собой, – но, похоже, меня не дождались? Здесь должна была обедать женщина лет под сорок, печальная такая дама.

– Под сорок? – переспросила девушка. – В одиночку сегодня приходила только девушка лет двадцати семи...

– Но у нее было такое... – посетитель запнулся, подыскивая подходящее слово, и не решившись сказать «некрасивое», произнес: – Несчастное, измученное лицо?

– Нет, что вы, это была очень красивая и счастливая девушка... Наверное, ваша дама просто еще не подошла. Присядете?

– Прилягу, – зло усмехнулся Вадим и пошел прочь.

Не пришла! Передумала, обратилась к кому-нибудь еще. Вот так всегда с ним происходит: только-только наклонится удача – и тут же все сойдет на нет. Вся жизнь его, как мокрый снег, изначально не предназначенный для того, чтобы не только до весны долежать – хотя бы на несколько минут покрыть землю ровным белым слоем. Так и тает в воздухе нечаянная радость, не долетев до земли, не оформившись в нечто материальное, не удовлетворив желаний и амбиций. Поманит пальчиком манерная судьба – и тут же отшвырнет. Да лучше б вовсе не было этого звонка и заманчивого предложения, сулящего максимум прибыли при минимуме затраченных усилий, чем такое вот разочарование!

Озлобленный мужчина уже нервно щелкал по западающей кнопке миниатюрного устройства автоматического открывания дверей машины, когда в кармане завибрировал сотовый телефон...

21 марта 1971 года, Баку

Алиса Андреевна Прошина сидела на свежеекрашенной деревянной скамейке, с которой открывался дивный вид на Каспийское море, и снимала кино. Конечно, только мысленно, потому что камеры у нее не было, и никаким кинооператором она не работала, а являлась обыкновенной советской пенсионеркой. Впрочем, может, и необыкновенной. По крайней мере, ей было что вспомнить о своей непростой и достаточно долгой жизни.

Сегодня у неё был день рождения, исполнилось семьдесят пять. Юбилей. Но сколько-нибудь торжественно отмечать это событие именинница не собиралась, разве что посидеть вечером в кругу семьи, выпить рюмочку-другую, да спеть со своими детьми пару старых песен: новых она не понимала. И дорогих подарков не предвиделось, разве что дочь купит ей очередной отрез на платье (сколько их уже собралось в шкафу – не перешить!), а сын раздобудет какую-нибудь редкую книгу (Алиса Андреевна читала только любовные романы), а то и просто ограничится бисквитным тортом «Сказка» к чаю.

А вот пять лет назад, в день семидесятилетия, она устроила себе настоящий праздник. Организовала дома грандиозное застолье и пригласила человек двадцать из числа своих давних подруг и соседей, и даже одного малознакомого пожилого мужчину, с которым незадолго до того разговорилась, сидя вот так же на лавочке у моря, и он начал за ней ухаживать. И подарок тогда у нее был всем на удивление, правда, сделала его виновница торжества себе сама. Заранее заказала у ювелира серьги с изумрудами и бриллиантами, отличавшиеся как нестандартностью формы, так и баснословной стоимостью. Но если красоту драгоценностей смогли оценить все гости, то о сумме, на них потраченной, пенсионерка не сообщила даже родным детям – ни к чему привлекать внимание к своим сокровищам. Никто и не знал, что на эти чудосерьги ушли все сбережения, которые копила лет двадцать, занимаясь шитьем и давая уроки музыки. Но зато осуществилась ее давняя мечта. Пятидесятилетняя!

Желаний у Алисы за все тревожные и благополучные годы ее жизни возникало немало, одни исполнялись, другие забывались: то ли изначально были нереальными, то ли она с годами теряла к ним интерес. А вот завладеть серьгами своей несостоявшейся свекрови она хотела всегда, с ранней юности. И если пятьдесят лет назад не случилось надеть те самые, то в конце концов она смогла позволить себе оплатить их точную копию. Зато кольцо подлинное, княжеское. Алиса Андреевна отвела в сторону морщинистую руку с синими прожилками, слегка пошевелила длинными тонкими пальцами (она называла их то музыкальными, то аристократическими, гордясь своими руками, которые и в семьдесят пять не потеряли своей идеальной формы и ничуть не дрожали), и массивный старинный перстень заиграл на солнце прозрачными драгоценными камнями.

Сын и дочь были против того, чтобы мать надевала свои украшения, когда выходила на улицу одна. Но что может случиться, пока она сидит среди бела дня в людном месте? К тому же сегодня она была не одинока, неподалеку резвился со своими сверстниками ее шестилетний правнук. Алиса Андреевна потрогала руками серьги, словно убеждаясь в том, что они на месте, и оглянулась в поисках шаловливого мальчишки – не залез бы куда, особенно на парапет, с которого запросто можно свалиться в море. И что тогда делать? Плавать старушка так и не научилась. Хотя, наверное, случись такая беда, без раздумий бросилась бы в пенный Каспий, слегка подернутый у берегов бульвара тончайшей мазутной пленкой. Ведь маленький Таир – это самое дорогое, что у нее есть. Этот черноголовый мальчуган был ценнее любых сокровищ мира, даже таких желанных, как ее серьги и кольцо.

Но нет, все в порядке. Мальчуган катал по бетонному бордюру пожарную машинку, рядом в песке возились двое ребят помладше, и прабабушка успокоилась. В общем-то, именно малыши и навели ее на мысль о кино. Где-то с час назад на бульваре появились невысокая

женщина лет тридцати и худощавый парень с камерой, которые попросили разрешения снять детей для телесюжета. Только по сценарию нужно было, чтобы они немного побегали. Таира долго уговаривать не пришлось – еле дозвалась потом обратно. А теперь Алиса Андреевна сидела гордая: правнука уже сегодня покажут по телевизору! Надо только внимательно смотреть все вечерние программы, чтобы не пропустить этот исторический момент.

Вот тут-то пенсионерку и осенила мысль: а ведь о ее жизни можно снять полнометражный художественный фильм! Не о сегодняшнем дне, конечно, а о давнем прошлом, когда она была так беспечно молода и изысканно красива, безмерно счастлива и трагически неудачлива. Куда там «Анжелике – Маркизе Ангелов», цветной широкоформатный фильм о которой она на днях посмотрела в кинотеатре «Низами»! А с какого момента началась бы история Алисы?

Новоявленная героиня представила себе самый первый кадр: на весь экран огромные ярко-синие глаза в обрамлении густых черных ресниц, восторженные и наполненные слезами вдохновенного экстаза. Камера отъезжает, на белом полотне – нежное лицо юной девушки с тонкими чертами. Легкие руки бурно аплодируют. Красавица сидит в зале, на сцене которого только что закончил свое выступление молодой поэт. Какой именно? А какая разница? Она воочию видела их всех: Маяковского, Есенина, Гумилева. Это из самых известных, а тем, кто не вошел в анналы мировой поэзии, несть числа. Впрочем, о них снято много фильмов, а это кино будет о ней. И здесь она сама и режиссер, и главная героиня. Кто из поэтов читал свои стихи, когда в соседнем с ней красном бархатном кресле актового зала оказался молодой князь Владимир Гагарин? Какая разница! Главное, он тогда спросил: «Вам нравится?» И она с замираньем сердца ответила: «Да!» И словно не поэту, а ему, князю, сказала свое первое «да».

Следующий кадр. Она идет рядом с ним по заснеженной петроградской улице. О чем они говорили? Алиса не взялась бы озвучить на экране тот диалог. Не помнила и не хотела придумывать. Наверное, просто несли милую чушь, свойственную двум молодым людям, которые поздним вечером идут вдвоем по едва освещенной мостовой в сторону дома, в котором она снимала первое самостоятельное жилье, конечно, не такое роскошное, какими были его апартаменты. Именно в них, на белых шелковых простынях, она лишилась невинности, уповая на его благородство и отдаваясь первой отчаянной любви.

Что могло быть общего у питерской курсистки, пару лет назад прибывшей в столицу на учебу из глухой провинции, и потомка известнейшей российской фамилии? Ничего, кроме поэзии и жажды жизни, которая, едва начавшись, пошла наперекосяк. А ведь жить для девушки означало только любить и быть любимой или хотя бы ощущать иллюзию этой самой любви – и ничего больше. И она бросилась в свое чувство, как в омут. На что она рассчитывала, заводя роман с женатым человеком? Конечно, на то, что он все же разведется с покинувшей его женой и женится на ней, романтической красавице Алисе. Но где-то на дальнем плане раздалась позже объявленные холостыми залпы крейсера «Аврора», и легкий запах гари от быстро развеявшегося негустого серого дымка Октябрьской революции разделил их судьбы на «до» и «после».

Камера переместилась в длинную комнату, где на широкой кровати умирала от пневмонии юная героиня, исхудалое лицо которой было покрыто испариной, пепельно-русые волосы разметались по влажной от пота наволочке, а запекшиеся пухлые губки что-то бессвязно бормотали. Алиса бредила. Деревенская девка Варвара бестолково суежилась у одра молодой барышни, не умея толком подсобить, пока она еще жива, и с ужасом раздумывая, что же делать, когда та отойдет. Накануне прямо на центральной улице оружием пролетариата – булыжником – убили навещавшего больную доктора. Бандиты сняли с врача шубу и шапку, забрали бумажник, а раскрытый кожаный портфель так и остался лежать подле трупа – по-видимому, медицинские инструменты оказались злоумышленникам без надобности.

В последний день перед тем, как свалиться в постель с высокой температурой, курсистка безуспешно поджидала возлюбленного, прячась в подворотне соседнего дома от нещадно

валившего мокрого снега. Прислонившись к серой каменной стене и трясаясь от влажного холода, бедняжка простояла до полуночи, вся продрогла, ноги в легких ботинках совершенно онемели, но он так и не появился.

Едва придя в сознание, Алиса первым делом спросила у прислуги, не появлялся ли Он, не давал ли о себе знать, не справлялся ли о ней. Нет. И несколько последующих дней больная совершенно равнодушно слушала нескладные рассказы о страстях и ужасах, что творятся нынче в городе. Варвара склоняла барышню к мысли о том, что холодный и голодный Петроград нужно как можно скорее покинуть, дожидаться лишь того дня, пока она сможет самостоятельно стоять на ногах. Но пуще состояния собственного ослабленного организма влюблённую девушку тревожило отсутствие вестей от Владимира. Где он, что с ним? Неужели покинул город, не дав ей знать? А вдруг с ним, как с тем же доктором, приключилась беда? Будучи не в силах долее оставаться в неизвестности, Алиса велела Варваре сбежать по указанному адресу и справиться о князе, а если не застанет, то передать ему записку.

Варвара побежала и вскоре вернулась, чуть ли не с радостью поведав хозяйке, что барин с барыней уже дней десять тому назад уехали. «С какой барыней?! – в отчаянии воскликнула Алиса. – С матерью?». «Швейцар сказывал, с женой», – возразила Варвара, и голова у несчастной курсистки пошла кругом. После этого она еще несколько дней провалилась в постели, отказываясь принимать пищу, да впрочем, есть было особо и нечего. А потом к ним наведалься давний друг семьи и передал весточку от сестры Александры, которая жила с мужем в Баку и предлагала перебраться к ней.

Алиса уже понемногу вставала и ходила по комнате, хотя была еще довольно слаба и истощена, беспрестанно надрывно кашляла и страдала головными болями. Отправляться в дальний путь было страшновато, но оставаться одной в вечно темной холодной квартире, почти не имея средств к существованию, тоже не легче. Варвара каждый день грозилась отбыть в родную деревню, и барышня приняла решение отпустить девушку и самой тоже уехать.

Следующую сцену пенсионерка-фантазёрка сняла бы в доме князя Гагарина. Она так до конца и не поверила в то, что Владимир мог бросить ее, даже не попрощавшись, все еще надеялась, что его спешный отъезд – это какое-то недоразумение, дань обстоятельствам смутного времени. Написала заранее записку, в которой сообщала, что уезжает в Баку, оставила адрес сестры и отправилась к особняку, в котором несколько раз оставалась на ночь.

Она почти бежала по вечернему Петербургу, не вглядываясь ни в заколоченные витрины магазинов, ни в трепещущие на ветру белые листки декретов и воззваний, облепившие здания и столбы. Морозный воздух раздирал болезненные легкие, но укутанная в пуховую шаль поверх короткого полушубка Алиса словно не ощущала ни собственных страданий, ни опасностей, подстерегающих одинокую девушку на вечерних улицах послереволюционного города, переживавшего лихорадку безвластия. Теперь все было наоборот: потерпевшие фиаско «верхи» уже не хотели, а патрулирующие улицы «низы» еще не могли навести хоть какое-то подобие былого порядка и размеренности.

Парадная дверь подъезда каменного дома, второй этаж которого занимал князь Гагарин, захлопнулась за Алисой с глухим стуком. Она на ощупь прибиралась по неосвещенной лестнице дома, который покинули, по-видимому, не только швейцар, дворник и прислуга, но и все его жильцы. Звонок не сработал. Забарабанила в массивную дверь, и она распахнулась после первых же прикосновений. Курсистка вошла в прихожую, крикнула в полутьму: «Есть кто-нибудь?», и щелкнула кнопкой выключателя, не нарушив при этом серости сумерек, пробивающихся сквозь неплотно завешенные бархатные шторы. Электричество в городе стало роскошью, его подавали изредка и ненадолго.

Никого не было в квартире, которая, по всем признакам, недавно пережила ограбление. Повсюду были разбросаны вещи, ящики выдвинуты, стулья опрокинуты. Даже если бы хозяин покидал свое жилище в страшной спешке, он не стал бы устраивать такого погрома и, конечно,

запер бы за собой входную дверь. А судя по тому, что по стенам остались висеть дорогие новомодные картины, Владимир явно рассчитывал в скором времени вернуться. Он не оставил бы на произвол судьбы свои последние приобретения, которыми так гордился, и уж точно не бросил бы любимый портрет матери, державшей на коленях младенца – самого Владимира.

С замиранием сердца Алиса прошла по всем комнатам, опасаясь возможного возвращения грабителей, которые могут решить, что еще не все забрали. Попутно она пыталась определить, что же пропало. Вот пустые полки и ящики буфета, в котором хранились фарфоровые сервизы и столовое серебро. Вот здесь, на комод, раньше стояли старинная расписная ваза и беломраморная статуэтка, которых уже нет. От венецианского зеркала в позолоченной раме остался лишь вколоченный в стену гвоздь...

А вот в куче белья валяются женский корсет и шелковые чулки. Их-то как раз раньше и не было. Алиса как-то во время недолгой отлучки Владимира, оставшись в его квартире, устроила настоящую ревизию, осторожно, но основательно исследовав содержимое всех шкафов: она хотела убедиться, что здесь не осталось вещей его жены и разрыв окончателен. И вот теперь в общей куче вываленного на персидские ковры белья валялись гребенка, ночная сорочка, флакончик из-под духов... И принесли их с собой явно не грабители.

Голова у несчастной курсистки пошла кругом, она пошатнулась, сделала пару неуверенных шагов к выходу, зацепилась ногой за угол задравшегося ковра и упала на четвереньки. Потом присела на корточки, потирая ушибленный локоть, и уже собралась с силами, чтобы подняться на ноги, как вдруг повсюду вспыхнули лампы освещения. Девушка вскрикнула в страшном испуге, дико озираясь вокруг, но почти сразу же поняла, что этот неяркий свет зажегся сам по себе. И тут ее внимание привлек некий предмет, блеснувший из-за ножки мраморного столика.

Подползла поближе и протянула руку навстречу этому блеску. Перстень. По-видимому, оброненный женой Владимира либо выпавший вместе с вещами и не замеченный погромщиками. Возможно, и Гагарины собирались в то время, когда не было света, и грабили их тоже в темноте. Алиса машинально надела драгоценный предмет на безымянный палец, и неровный свет в тот же миг погас так же неожиданно, как и зажегся. И тогда она, резко подскочив, бросилась снимать со стен картины. Потом и сама себе не могла объяснить, что на нее тогда нашло – жажда наживы или стремление к спасению дорогих ее возлюбленному вещей.

Всего за каких-то полчаса дочь земского врача и прилежная ученица нанесла жилищу Гагарина гораздо больший ущерб, чем это удалось пришлым воришкам. Уж она-то, в отличие от них, знала, что почем. Картины были при помощи столового ножа ловко извлечены из рам, скатаны в трубочки, завернуты в наволочку и упрятаны под полушубок. Она ушла из квартиры, унося с собой так и не оставленную записку, похищенные картины и найденный перстень. Последний сразу в двух видах. Реальный, он был у нее на пальце, и нарисованный – на руке княгини Гагариной. По-видимому, в день свадьбы Владимир подарил жене фамильные украшения, которые ранее носила его мать. Серьги, наверное, остались у жены, перстень неожиданно-негаданно достался Алисе, и лишь нарисованной красавице по-прежнему принадлежало и то и другое.

Как добиралась до Баку, лучше было не снимать. Она плохо помнила те лихорадочные дни, полные тревог и лишений. Были и переполненные поезда, и скрипучие подводы, и толпы озлобленных и растерянных людей, и полная сумятица как вокруг нее, так и внутри израненной предательством и бесприютностью души. И лишь перешагнув порог бакинской квартиры, где ее сестра Александра жила с мужем-инженером Алексеем Петровичем и пятилетним сыном Николенькой, беглянка смогла расслабиться, нареветься вдоволь и рассказать самому близкому существу обо всех перипетиях своей сломанной судьбы. К тому времени она уже не сомневалась в том, что беременна, и сестра тихо и ласково сказала ей: «Главное, что жива».

А уже через несколько дней порозовевшая и почти отошедшая от болезни бывшая курсистка мило кокетничала с сослуживцем Петра Алексеевича. Тридцатипятилетний инженер Глеб Степанович Прошин по-доброму улыбался смешным Алисиным комментариям в отношении впервые увиденного ею города, его жителей и нравов. Он охотно отвечал на ее нелепые вопросы о его работе на нефтепромыслах и о себе самом. Александра, собирая друзей на вечеринку по поводу приезда сестры, посоветовала Алисе обратить на этого мужчину особое внимание, что она охотно и сделала. Да и Глеб явно был очарован вдохновенностью тонких черт исхудавшей красавицы и веселой непосредственностью ее легкого характера.

Конечно, в тот вечер много говорили о революции и власти, о войне и мире, обсуждали ноту правительства Советской России к послам ряда стран с предложением о заключении перемирия на всех фронтах. Но в пересудах о сегодняшнем моменте Алиса многого не понимала, а экономические и политические прогнозы на будущее и вовсе боялась слушать. Она накинула на плечи полушубок и вышла на крошечный балкончик, где могли уместиться лишь два человека, и вторым оказался последовавший за ней Глеб.

...Очередной, неожиданно сильный порыв прохладного мартовского ветра взлохматил коротко остриженные, прямые и уже совершенно седые волосы предающему приятным воспоминаниям режиссеру-оператору, и она подумала, что кино у нее получается какое-то немое. Ту знаменательную сцену на балконе надо обязательно озвучить...

– Когда весь мир летит в тартарары, так хочется мечтать о чем-то новом, непременно прекрасном, – восторженно произнесла тогда Алиса и, подбодренная ласковой улыбкой инженера, продолжила: – Как только представлю себе, что никакого завтра уже может и не быть, так в тот же миг возникает острое желание жить, любить, совершать безумные поступки! Ведь мне всего лишь двадцать один год, ничего толком не успела, и совсем не хочется умирать нелюбимой и невенчанной.

– Если завтра все-таки наступит, давайте обвенчаемся, – тихо сказал Глеб, и девушка сочла, что ослышалась: коварный ветер донес до нее совсем не те слова, которые он произнес на самом деле. Но Прошин так же тихо продолжил: – Если моя кандидатура на роль мужа вас устроит, давайте любить друг друга. Я тоже не хочу умирать холостым.

– Вы, несомненно, очень добрый и милый человек... Но ведь вы видите меня впервые, – оторопело произнесла Алиса, которая вообще-то хотела бы, учитывая ее положение, как можно скорее выйти замуж за положительного во всех отношениях мужчину, но совершенно не рассчитывала на такой скоропалительный успех едва начатых поисков достойного кандидата.

– Было бы странно, если бы я женился на девушке, которой ни разу не видел, – улыбнулся Глеб.

– И ничего обо мне не знаете.

– Кое-что уже знаю, – он взял в свою крупную теплую ладонь тонкие пальцы ее уже успевшей озябнуть руки. – И это «кое-что» меня вполне устраивает.

– Вы верите в любовь с первого взгляда? – глупо спросила девушка, просто чтобы хоть что-то сказать.

– С первого слова... Мы будем венчаться или вам, чтобы дать ответ, надо подумать?

– Будем венчаться! Думать в наше время некогда.

На следующий день они снова увиделись в доме сестры. Алиса вышла навстречу инженеру Прошину с игривой улыбкой на слегка подкрашенных губах. Если вчерашнее предложение руки и сердца было всего лишь сиюминутным порывом или и вовсе неудачной шуткой, она была готова подыграть и вместе с ним посмеяться над этой безумной идеей. Но он сказал:

– Я пришел просить у Александры Андреевны вашей руки, если вы, конечно, еще не передумали выходить за меня замуж.

– Не передумала. Если только... – Алису вдруг ожгла весьма неприятная мысль, – если только вы не слишком старомодны.

– Что вы имеете в виду?

– В моей жизни уже был один мужчина, и...

– Я тоже не дожил до тридцати пяти лет монахом, – возразил Глеб. – И это все, в чем вы хотите признаться?

– Да, – уверенно ответила она.

– В таком случае, вам не о чем беспокоиться.

Их скоропалительная и скромная свадьба состоялась в ближайшую субботу. Венчались в кафедральном соборе Александра Невского, его еще называли «Золоченая церковь». Расположенный на высоком холме, храм сиял золотыми куполами, ослепительный блеск которых был виден за тысячи верст и служил ориентиром капитанам кораблей. В конце двадцатых годов Глеб несколько раз брал молодую жену на морские прогулки, и она всякий раз с благоговейным восторгом взидала на храм, построенный по образу и подобию Ново-Афонского, но превосходивший его в роскоши. Звон стопудовых колоколов, отлитых на уральских заводах, разносился по всему центру нефтяной столицы России...

А в конце тридцатых любимый собор, в котором Прошины венчались, молились и крестили детей, был взорван большевиками. Алиса ходила посмотреть на это жуткое зрелище. Лучше бы не видеть! Клубы черной пыли, взметнувшейся от рухнувших стен на небывалую высоту, словно заслонили от женщины трепетно хранимую в памяти картинку: вот она, еще не верящая в реальность происходящего, стоит с длинной восковой свечой в руке подле практически незнакомого черноволосого мужчины, с которым безоглядно решила связать судьбу. На невесте несколько великоватое венчалное платье старшей сестры, под фатой – сооруженная Александрой сложная прическа. И рядом он, высокий, широкоплечий и, в отличие от Алисы, осознающий всю серьезность совершаемого шага...

Невеста без приданого поселилась в квартире мужа, где помимо трех просторных комнат с большими окнами, выходящими на центральную улицу, располагались лишенные дневного света ванная, обширная кладовая и комната для прислуги. Кухня и прихожая выходили окнами во двор. В этой квартире Алиса Андреевна с сыном и дочерью жила и по сей день. Несмотря на все войны и мятежи, Глебу Степановичу удалось сохранить эту просторную квартиру, сначала снимаемую, а в последствии переданную семье как постоянное жилье. Он справедливо полагал, что специалисты своего дела нужны во все времена, и, сторонясь политики, всецело отдавал себя работе. Даже в те первые дни их совместной жизни, когда Алиса прилежно хлопотала по хозяйству, играя роль примерной жены.

Ближе к концу первого месяца замужества она сообщила Глебу, что ждет ребенка. Муж радостно улыбнулся, сказал:

– А я все ждал, когда же ты, наконец, объявишь мне об этом.

Но она тогда не поняла скрытого в его словах намека.

На что рассчитывала молодая женщина, свадьба которой состоялась в тот день, когда срок ее беременности достиг восьми недель? Конечно, она собиралась представить дело таким образом, будто бы ребенок родился семимесячным, и даже старалась поменьше есть, чтобы малыш не смог набрать подозрительно большого веса. Несомненно, Алиса попыталась бы обмануть мужа, если бы ее дети и в самом деле не родились семимесячными!

В ночь на третье мая молодая женщина проснулась на высокой супружеской постели от тянущей боли в пояснице, которая ближе к утру стала просто невыносимой. Она кусала губы, чтобы не стонать, и, когда Глеб поднялся, собираясь уходить на работу, притворилась спящей. Сначала она надеялась, что все как-нибудь обойдется, но к полудню с ужасом осознала неотвратимость приближающихся родов. Привлеченная всхлипами, в комнату вбежала прислуга, сорокалетняя вдова Мария, и принялась хлопотать вокруг истерично рыдающей хозяйки. Ей было жутко страшно и стыдно того, что с ней происходит, и она все твердила: «Нет, нет, только

не сегодня, только не сейчас!» Мария, которой самой довелось трижды рожать, поняла, что бежать за помощью уже поздно, и приняла ребенка... А через несколько минут и второго.

Больше всего на свете молодая мать в тот момент желала, чтобы эти два маленьких чудовища, лишившие ее своим появлением на свет надежды на уже налаженную семейную жизнь и обрекающие на изгнание и позор, оказались мертвыми. Тогда еще как-то можно было договориться с Марией, посулить ей денег и вечером объяснить Глебу, что у нее случился выкидыш. Но завернутые в перерезанную пополам простыню два крошечных синюшных создания не желали представляться неживыми. Они слабо, но навязчиво пищали, а обессиленная родами Алиса была не в состоянии придавить их обоих разом одной подушкой и заставить навсегда замолчать.

– Мария, снеси их куда-нибудь, – тихо попросила она.

– Куда снести? – не поняла просьбы домработница.

– Выброси... Утопи в море.

– Да что ж вы такое говорите, – перекрестилась Мария, посчитавшая, что барыня тронулась умом от пережитого напряжения физических и духовных сил. – Кто же живых-то детей топит? Чай, не котята.

– Они не могут быть живыми, не могут, – причитала Алиса.

И Мария принялась ее успокаивать:

– Живые, здоровые, махонькие только. Но, Бог даст, наберут свое.

А потом тяжело вздохнула (ей довелось похоронить всех троих своих детей, умерших один за другим еще в младенчестве) и унесла спеленатых малышей от греха подальше в другую комнату. А роженица, погрузившаяся в долгожданную тишину, мгновенно провалилась в сон и проснулась оттого, что кто-то коснулся ее руки. У кровати сидел Глеб и молча смотрел на нее, и такой от него веяло ласковой заботой, что в первую секунду Алиса вообще не вспомнила, что произошло сегодня днем, а осознав, отвела в сторону взгляд, замутившийся слезами отчаяния. Она была подавлена, уничтожена, и ей было совершенно нечего сказать мужу, который вправе немедленно прогнать ее из своего дома вместе с так не вовремя родившими детьми.

– Не надо так расстраиваться, милая, – произнес Глеб. – О твоей беременности я узнал раньше, чем увидел тебя. Друг Алексей на следующий же день сообщил мне, что к жене приехала сестра, которая не замужем, но ждет ребенка.

– Но почему же тогда...

– Я мог бы сказать, что сразу же влюбился, что было бы правдой. Но решающую роль сыграло еще одно обстоятельство. Дело в том, что я не могу иметь детей. Так что жениться на беременной женщине для меня был единственный способ не лишать будущую жену радости материнства... Конечно, лучше бы тебе с самого начала сказать мне правду. Ошибки прощательны – ложь непереносима.

– Прости. Я просто...

– Не надо оправдываться. Я рад, что роды прошли успешно, и детей оказалось двое. Тем более удачно, что сразу и мальчик, и девочка. Я думаю, тебе хватит с ними хлопот, и постараюсь стать хорошим отцом. Но если ты мне когда-нибудь снова объявишь, что ждешь ребенка – я этого не пойму.

– Я больше никогда не буду лгать, – горячо пообещала Алиса.

– Вот и славно. Поправляйся.

И в течение двадцати лет Глеб был ей прекрасным мужем, хотя по-прежнему проводил дома слишком мало времени и почти не занимался детьми. Она часто задумывалась: потому ли это, что они были неродными? И успокаивала себя тем, что их с Александрой отец тоже почти не играл с дочерьми, пока они были маленькими, да и когда подросли, не часто уделял им внимание.

Тайну происхождения своих детей мадам Прошина хранила свято. Даже своей родной сестре она не назвала имени их настоящего отца. А потом Александра с мужем и сыном уехали в Москву, все соседи по дому сменились, а Мария от них ушла. (Последнее обстоятельство пришлось очень кстати, Алиса тяготилась присутствием домработницы, которой в минуту отчаяния велела утопить детей.) Таким образом, никто бы не смог намекнуть Петру и Софье, что Глеб Степанович на самом деле не приходится им родным отцом.

Прошина сама рассказала об этом сыну и дочери в первые дни войны. Испугалась, что погибнет, а дети никогда не узнают, что в их жилах течет княжеская кровь. Кажется, они так до конца и не поверили в эту историю. Даже когда она показала заветный перстень и потрет княгини Гагариной, на коленях у которой сидит их маленький отец.

Долгие годы Алиса прятала от мужа свои сокровища за кучей старья в кладовой, которую запирали на ключ. Картины она распрямила, кое-как укрепила уголками на листах плотного картона и накрыла ветошью. И лишь в годы хрущевской оттепели решила наконец извлечь их на свет божий и, заказав рамы, развесить по стенам.

Вспоминала ли она своего князя? Сначала часто, потом все реже. Она ничего о нем не слышала и не знала, как сложилась его дальнейшая судьба: пережил ли он смутные революционные и военные времена, остался ли в России, или иммигрировал? Петр и Софья не напоминали о князе Гагарине, поскольку не были на него похожи. Впрочем, как и на Алису. Отринув все славянские гены своих предков, они пошли в еврейскую породу ее отца! Спокойные, умненькие, но такие некрасивые и непутевые, они так и не смогли устроить личную жизнь и до сих пор жили с ней... Слава Богу, Петр хоть сподобился произвести на свет дочку, и благодаря этому Прошина все же стала бабушкой, а потом и прабабушкой...

Как странно. Только что она, Алиса, была так юна, а ее детям уже перевалило за пятьдесят! Почему в последнее время она вспоминала события своей молодости все чаще и подробнее, да так отчаянно навязчиво, словно никогда уже больше не будет возможности осмыслить все пережитое? Говорят, в прошлое уносятся те, у кого нет будущего. У пенсионерки Прошиной остались только «былое и думы». А ее продолжение – это мальчик, играющий в догонялки со своими сверстниками. В сентябре Таиру исполнится семь лет, и он пойдет в первый класс.

Дети появляются на свет, чтобы хранить в генетической памяти прошлое предков, приглашающее в будущее. Они нехотя рождаются и испуганно пищат, еще не зная, что им уготовила судьба. А может, потому и кричат, что уже знают? Это потом они все забывают и тогда становятся взрослыми.

Несостоявшийся режиссёр еще раз коснулась своих уникальных серег и повернула на пальце кольцо, упрятав сверкающий блеск камней в тыльную сторону ладони, и в ту же минуту одновременно раздались два детских голоса.

– Ба, пошли домой, я кушать хочу, – сказал подбежавший к лавочке Таир, уже где-то потерявший свою машинку.

И тут же, наморщив сердитое старушечье лицо и сжав крошечные синюшные кулачки, истерично заверещала новорожденная девочка. Алиса Андреевна четко различила этот первый плач среди многоголосья бульвара, хотя и знать-то ничего об этой девочке не знала: малышка появилась на свет вовсе не в Баку, а за полторы тысячи километров, в столице Советского Союза городе-герое Москве.

30 ИЮЛЯ 2003 ГОДА, СОЧИ

Лада Миленина проснулась от звука шагов, исходящих не от одной пары ног, а от многих и разных. Некоторое время она лежала с закрытыми глазами и прислушивалась к этим шагам – шлепающим и подпрыгивающим, торопливым и размеренным, беспечным и острожным. Ее комната находилась у самой лестницы, и сквозь деревянную дверь утренние звуки пробуждающейся гостиницы доносились приглушенно, но утомляли своей настойчивостью. Снующие вверх-вниз постояльцы поворачивали в замках ключи и переговаривались между собой, словно напоминая о том, что настал новый курортный день, и надо подниматься, одеваться, спешить на завтрак. А потом двигаться в сторону моря или отправляться на очередную экскурсию, чтобы не тратить даром драгоценное отпускное время, которое предназначено для активного отдыха, а вовсе не для сна.

Спать уже не хотелось, но и вставать тоже. Солнечные лучи сквозь задернутые плотные шторы не проникали и не тревожили, а по телу разливалась такая сладкая истома, что совсем не тянуло ни к каким действиям, тем более – активным.

Раздался тихий дробный стук в дверь комнаты. Лада распахнула глаза и лениво потянулась, но и не подумала пойти открыть или хотя бы отозваться. В полумраке односпального номера ее стройные ноги смотрелись очень выигранно: кипенно-белая простыня оттеняла еще не яркий, но уже заметный золотистый загар. Женщина перевела взгляд на покрытые перламутровым лаком ногти, так сильно выгнув при этом в подъеме ногу, что ее свела судорога. И в это время из холла донесся раздраженный женский возглас:

– Костя, Костя, это я, Вера! Не вешай трубку! И не делай, пожалуйста, вид, что ты так сильно занят. Ты должен поговорить со мной прямо сейчас! Ты должен сегодня же решить вопрос о нашем отдыхе! Это же просто невозможно!

Догадавшись, что начались очередные разборки в урологическом семействе, Лада тихонько хмыкнула. Этот чисто курортный курьез здорово веселил всех без исключения обитателей пансионата, рассчитанного на одновременный прием сорока человек, а в самый разгар сезона – и гораздо больше. Все началось со вчерашнего утра, когда хозяйский сын Саша привез с Адлерского вокзала двух новых отдыхающих – мать и сына. Это были члены семьи известного московского хирурга-уролога.

Пышная дама с нелепой на морях высокой прической и ее долговязый сын-очкарик, тоже уролог, расположились в комнате на третьем этаже. Они сразу же потребовали завтрак, хотя и изрядно на него опоздали. Лада к тому времени уже вернулась с пляжа и поднялась на веранду, где в углу находились плитка и раковина, чтобы приготовить себе чашку кофе. Она присела на стул напротив вновь прибывших, и дама представилась:

– Вера Антоновна. Мой сын Леонид. Наш папа – заведующий урологическим отделением клиники. Ленечка работает врачом в той же клинике. Мы из Москвы. А вы?

– Лада. Тоже москвичка.

– Ну, и как здесь отдыхается?

– Отдыхается везде хорошо. Работается плохо.

– А кем вы работаете?

Миленина задумалась, как бы поточнее ответить. «Я – филолог»? Разве что по образованию, ведь по специальности она не проработала ни одного дня: ни научные изыскания, ни преподавательская деятельность ее не прельщали, в журналистике тоже себя не нашла. В последние годы подвязалась на рекламной ниве, да и там не сильно преуспела, а в настоящее время Лада и вовсе была свободна от всяческих договоров и обязательств по отношению к кому бы то ни было, в том числе и работодателям, как бывшим, так и потенциальным. И она сказала:

– Я не работаю. Могу позволить себе просто отдыхать.

– О, как это чудесно! Вы, я вижу, уже успели загореть. А мы такие неприлично белые! Море теплое?

– Теплое, – односложно ответила Лада, осторожно подув на кофейную пенку.

Она не любила этих однобоких, праздных и бестолковых вопросов, предполагающих точно такие же ответы. Как можно определить теплоту моря? Исключительно термометром! Ибо личностные ощущения сугубо индивидуальны. Сибиряки готовы к погружению в вожделенный соленый водоем и при десятиградусной температуре воды, сочинца и при двадцати выше ноля в море не затащишь.

Вера Антоновна резко отодвинула от себя тарелку с размазанными по ней недоеденными яичными желтками, порывисто подскочила и устремилась к каменной балюстраде. Море прекрасно было видно, даже если не вставать из-за стола, но экзальтированная дама, только подойдя к свежыкрашенным каменным перилам, восторженно воскликнула:

– Ах, какой отсюда открывается вид! Ленечка, ты только посмотри, какое море! Какое чудо, какая синь, какая гладь!

– Чего уж не в стихах, – буркнула Лада.

Не расслышавший ее фразы уролог-сын поднял на девушку близорукие глаза и хотел было переспросить, но тут восторженно-патетические нотки в голосе его матери сменились визгливо-истерическими:

– Леня, иди скорее сюда! Леня, я глазам своим не верю! Кто это, Леня? Леня, это же ОНА!

Леонид встал и подошел к матери, перегнулся через перила и принялся напряженно всматриваться вдаль, а мадам не умолкала:

– Какое хамство, какая наглость! Как она только посмела, эта дрянь!

– Да где, мама? Ты о ком?

– Да неужели ты не видишь, Леня! Вон поднимается по склону в зеленом сарафане! Это же Катька! Хорош же твой отец! Отправить жену и сына в пансионат, где отдыхает его любовница!.. Ну, я ей устрою!

– Да тише ты, мама, – досадливо поморщился Леонид, но и он был заметно озадачен создавшейся пикантной ситуацией.

Скандал не замедлил разгореться. Вера Антоновна бросилась вниз по винтовой лестнице, увлекая за собой сына. Лада осталась допивать свой кофе на свежем воздухе, но гневная отповедь, последовавшая через несколько минут с другой стороны двора, донеслась до нее вполне отчетливо.

– Ах, кого мы видим! Какая встреча, – вскричала мать и жена урологов, по-видимому, подстерегшая Екатерину Семеновну у самого входа в ворота пансионата. – Я все поняла! Это именно здесь вы были вместе с Константином Борисовичем прошлым летом! И опять сюда заявились! Какая наглость!

Ополоснув под краном свою чашку, Лада поставила ее на сушилку и пошла в свою комнату. Открывая дверь ключом, увидела поднимающуюся по лестнице тридцатилетнюю красавицу брюнетку Катю и карабкающуюся вслед за ней мясистую и растрепанную Веру Антоновну.

– Костя сказал, что у вас с ним все кончено, – полувопросительно прохрипела последняя.

– Ну, если он так сказал, – равнодушно пожалла плечами Катерина, направляясь к своей двери.

– Вы должны немедленно собрать свои манатки и выместись отсюда, – снова обрела голос Вера Антоновна.

– И не подумаю.

– Но мы же не можем находиться на одной территории!

– Если вы не можете – вы и уезжайте. А мне и здесь хорошо, – последовал хладнокровный и вполне резонный, с точки зрения Лады, ответ.

После этого сквозь закрытую дверь до нее продолжал доноситься голос обиженной жены, которая звонила мужу в Москву по сотовому телефону:

– Костя, Костя! Ты куда нас отправил? Я думала, что это заведение для приличных людей, а не притон какой-нибудь!.. Что случилось? Ты еще спрашиваешь, что случилось?! Да ты со своими членами совсем мозги растерял. Здесь твоя Катюшка! И что прикажешь теперь делать? Мы уже и деньги за всю неделю заплатили вперед.

К вечеру о скандальном инциденте узнали все обитатели «Крутой горки», и симпатии большинства из них, особенно представителей сильного пола, оказались на стороне бывшей ли, настоящей ли, но любовницы, а не законной жены. Мужчины отчетливо представляли себе, почему неизвестный им московский уролог обратил свои взоры на элегантную и ироничную Катю – достаточно было взглянуть на нелепую во всех своих проявлениях Веру.

Пикантность ситуации заключалась еще и в том, что Екатерина являлась коллегой Константина Борисовича – врачом все той же загадочной московской клиники. Это обстоятельство стало предметом для постоянных шуток хозяина гостиницы Давида, зажигательного пятидесятилетнего брюнета, который каждое утро носил Кате кофе в постель. Она единственная не выходила к завтраку и не запирала дверей своей комнаты на ключ. И вот каждое утро, ровно в восемь ноль-ноль, Давид Михайлович после короткого стука, не дожидаясь ответа, входил к ней с подносом, на котором дымилась чашка ароматного кофе, сваренного его женой.

– Доброе утро, Катюша, – говорил Давид с порога гортанным воркующим голосом. – Как спалось? Погодка сегодня – просто прелесть. Как и вы... Но у меня, доктор, честное слово, такие проблемы, такие проблемы. Вы должны меня посмотреть. Ведь врач не имеет права отказать в помощи больному человеку!

– Да разве же вам откажешь, Давид Михайлович! Непременно и посмотрю, и потрогаю!

И весь холл третьего этажа заливал грудной Катин смех – такой волнующий, что даже и не мечтавшая о счастье Лада просыпалась с ощущением возможности большой любви или хотя бы короткого романа. А мужчины выходили к утреннему столу кто с игривой улыбкой, кто с озабоченным выражением лица, но все – с явным желанием сегодня же завести с кем-нибудь новые любовные отношения или хотя бы покрыть ореолом романтичности старые.

Вот и сейчас по холлу гулко разносился веселый смех Екатерины, а на его фоне звучал угрожающе-требовательный голос обманутой жены московского любовника:

– Костя! Костя! Ты только послушай, как она хохочет!

Наверное, Косте приятно услышать за тысячи километров такой жизнеутверждающий и сексуально окрашенный смех любимой женщины, подумалось Ладе. Нет сомнений в том, что любимой. Разве можно не восхищаться такой прелестной умничкой, как их Катя? Лада вполне естественно назвала про себя эту женщину «нашей». Здесь, в атмосфере по-семейному уютной гостиницы, все приезжие сразу же становились своими.

– Это она над нами смеется! Нет, ты должен немедленно решить вопрос о нашем отдыхе и устроить нас с Леной в другую гостиницу... Да что значит «мы сами»?! Где мы сейчас, в разгар сезона, найдем номер за ту же цену? Ты хотя бы о ребенке подумай!

«Ребенок» тем временем что-то неразборчиво басил. Судя по тону, увещевал мать не орать на всю гостиницу и не вовлекать в семейные проблемы посторонних людей, которых, за неимением с утра пораньше других развлечений, здорово веселила эта театрализованная перепалка.

– Нет, не дадут поспать, покой нам только снится, – сказала Миленина самой себе вслух и, соскочив с широкой двуспальной потели, потянула за шелковый шнурок.

Плотные темно-синие шторы раздвинулись, впуская в комнату яркие лучи пробуждающего дня, и Лада подошла к зеркалу. В зеркальной глади дверцы шкафа она отразилась вся, в полный рост. Ну, что тут скажешь? Хороша, да и все! Стройная, но не худая, высокая, но не длинная, симпатичная, хоть и не красивая. Впрочем, последнее – смотря на чей вкус.

Вчера ее весь вечер именовали именно красавицей, а сегодня впервые за последний год она провела полноценную ночь любви. И это было не то чтобы здорово, но вовсе неплохо.

Лада встряхнула длинными волосами, откидывая их назад, и встав вполоборота к зеркалу, оглядела себя со спины. Пепельные пряди вперемешку с пшеничными доставали почти до поясницы. Новые знакомые считали, что такого потрясающего эффекта ей удалось достичь при помощи мелирования, а ее волосы никогда не знали краски и завивки – так распорядилась природа, подарив ей блестящие двухцветные косы, которые она со школьных лет и до сих пор еще иногда заплетала.

Курортница продолжила ревизию. Живот почти плоский, если еще немного подкачать мышцы пресса – вообще будет то, что надо. И шрам совсем не портит – он тонкий и бледный, практически косметический. Конечно, талия могла бы быть чуть поуже, а бедра чуть пошире, но тут уж ничего не поделаешь. Зато грудь – в ее-то тридцать два года! – и вовсе мечта поэта. Не большая, не маленькая, округлая и упругая. Интересно, как бы она смотрелась в старинном платье с безумным декольте? Лада приподняла обеими руками груди, так что они соединились меж собой и стали похожи на два детских мячика. Она улыбнулась нелепости своей позы, и в этот самый момент страшная мысль вдруг ожгла ее с такой внезапной очевидностью, что женщина бессильно опустила руки вниз и прижалась лбом к холодному стеклу.

– Нет, – прошептала она, оставляя на гладкой зеркальной поверхности затуманенные следы горячего дыхания, – этого не может быть! Нет, нет, нет!

Из-за двери послышалось:

– Эх, денек-то какой! А может, не пойдем сегодня на завтрак, возьмем пивка и сразу к морю, а?

После завтрака Виктор еще раз постучался к Милениной, но снова безрезультатно. Это настораживало, и он занервничал: спит или ушла? Еще вчера он не стал бы так беспокоиться, но прошедшую ночь они провели вместе, и возникала мысль, что Лада впервые за всю неделю не спустилась к завтраку, потому что не захотела столкнуться с ним за одним столом на глазах хозяев и постояльцев. Стесняется? Но ведь, скорее всего, никто ничего и не заметил. Ну, зашел мужчина к женщине поздно вечером выпить перед сном стакан вина, так никто же не знает, что вышел он только под утро. Даже если бы это обстоятельство и было предано огласке, что с того? Курортники весьма снисходительно относятся и к легкому флирту, и к более серьезным увлечениям коллег по отдыху, тем паче, что они с Ладой – свободные и вполне самостоятельные люди. В конце концов, они никому не мешают и не привлекают к себе общественного внимания. Не то, что этот московский дуэт жены с любовницей. Устроили тут бесплатный цирк!

Виктор спустился вниз, вышел из дверей четырехэтажного особняка и присел на лавочку у небольшого фонтанчика, выложенного диким камнем. Хозяйский сын Александр работал в беседке – очищал от углей и пепла длинный мангал, на котором ежедневно жарились ароматные шашлыки или готовился азиатский плов. Виктор огляделся вокруг, залюбовался аккуратными цветочными клумбами, разбитыми между выложенными каменной плиткой дорожками, и вдохнул полные легкие прохладного утреннего воздуха. Красота! Все-таки правы были его друзья, когда решишь уехать из Новосибирска и построить в Сочи частную гостиницу. Он вспомнил, как Лена, когда им случалось всей компанией смотреть прогноз погоды, всякий раз говорила мужу:

– Давид, ну, почему у них там плюс пятнадцать, а у нас минус пятнадцать. Поехали жить в Сочи!

И они поехали. Правда, Лена и сейчас не очень довольна своей жизнью: была инженером на производстве, а стала горничной в собственном доме, да и заработки оказались не столь велики, как представлялось. Впрочем, бывает ли женщина когда-нибудь целиком и полностью довольна своей жизнью, будь она хоть прислугой, хоть королевой? И все же юг есть юг, что ни

говори. Однако Виктор еще не решил для себя, хочет ли и он жить здесь постоянно, а не просто приезжать раз в год на отдых.

Он несколько раз порывался спросить у Александра, не видел ли тот Ладу, но было как-то неловко спрашивать о девушке, с которой завел роман. И только когда Саша подошел к нему сам и попросил зажигалку, Виктор задумчиво произнес:

– В центр, что ли проехаться? Да одному скучновато, а компаньонка моя куда-то пропала.

– Лада? А она ушла минут пятнадцать назад.

– Как была одета: как на пляж или как в город?

Саша лишь широко улыбнулся, разведя руками. Жест его говорил: разве их, женщин, поймешь, что у них считается выходным нарядом, а что повседневным, тем более что во время отдыха они и в ресторан, и на пляж зачастую одеваются одинаково: шорты да майка.

Повесив ключи от своего номера на специальный стенд с множеством крючков, Виктор вышел за ворота. Спустился вниз по крутой горке, давшей название пансионату, к морю. Когда немолодые, нехуденькие дамы, разморенные жарой, с трудом взбирались по асфальтовой дорожке вверх, пеня на крутость подъема, Леночка смеялась:

– А это у нас бесплатная антицеллюлитная программа!

Вспомнилась песенка «На недельку до второго я уеду в Комарово», на мотив которой один из отдыхающих написал такие слова:

Каждым летом, нету мочи,

Снова тянет в город Сочи,

Чтоб забыть про все заботы,

Суету и канитель.

Там кого-то ждет коморка,

А меня «Крутая горка»,

Есть на улице Медовой

Замечательный отель!

Виктор прошелся вдоль все полосы пляжа Курортного городка, Ладу среди купающихся и загорающих не обнаружил и тогда поехал в Центральный Сочи на маршрутном такси. Полчаса спустя он уже бесцельно брел по Приморской набережной и, несмотря на то что был в солнцезащитных очках, щурился от ярких полуденных лучей.

– А-а-а-а! – донесся откуда-то сверху хрипловатый протяжный крик.

Вскинув голову, Виктор увидел болтающуюся на двух резинках фигурку. Девушка взмывала ввысь и снова низвергалась почти до самой земли, натужно визжа и нелепо дрыгая в воздухе ногами. Виктор пригляделся, и вдруг с удивлением узнал в летающей женщине свою постоянную спутницу последних дней, с которой вчера впервые занимался любовью. Сначала хотел подойти поближе, но решил, что лучше будет проследить за ней издали, раз уж она решила почему-то побыть сегодня одна.

Резинка почти прекратила колебательные движения. Два парня ловко поймали Ладу и вмиг высвободили ее из стреляющей людьми рогатки. Смеясь и покачиваясь, она пошла по набережной в сторону аквапарка «Черномор» и вскоре скрылась за его воротами. Виктор тоже купил билет и был при входе окольцован вокруг запястья пластиковой лентой, дающей право в течение всего дня беспрепятственно входить в парк недорогих, хотя и весьма однообразных развлечений.

Он прошел на территорию и сразу же увидел Ладу. Она стояла у стойки бара, уже в белом купальнике, и полусонный бармен наливал в ее стакан прозрачную жидкость из восьмигранной бутылки «Звезда Давида». Виктор как-то покупал эту водку Давиду в подарок. Запив поглощенные залпом сто граммов кока-колой, Миленина почти бегом понеслась к пожарно-красной лестнице ближайшего аттракциона. Энергично вскарабкалась на верхнюю площадку и стрем-

глав покатила по извилистому металлическому желобу, чтобы вывалиться из него в прозрачно-голубой бассейн.

Виктор присел за столик и заказал светлого пива и сушеных кальмаров. В течение пары часов он с неприятным всевозрастающим изумлением наблюдал, как девушка его мечты лихо-радочно металась от барной стойки к очередному аттракциону, периодически выпивая по пятьдесят граммов без закуски, как заправский алкоголик, и каталась с горок, как проказничающая школьница. И это та, которая говорила, что водки не пьет вообще, а вино – только во второй половине дня. И это та, которая утверждала, что не любит острых ощущений, потому что ее мутит даже на колесе обозрения! Как прикажете понимать эту метаморфозу? Что, он отказывал ей в выпивке или запрещал развлекаться? Или она притворялась умницей и скромницей только для того, чтобы произвести на него благоприятное впечатление?

Будучи человеком серьезным, он не любил непредсказуемости. Хватило ее с избытком и с первой женой, чьи милые девичьи странности обернулись в семейной жизни извечным недовольством мужем и беспрерывными скандалами. Какое он испытал облегчение, когда наконец-то с ней развелся! Нет уж, в сорок лет хочется определенности, относительного покоя и домашнего уюта. Все эти ужимки и прыжки явно неуместны и несвоевременны.

Серьезный мужчина заказал третью банку пива «Невское». Он все ждал, что Лада обратит на него внимание. Гадал: смутится неожиданной встречей или подойдет, как ни в чем не бывало? А может, сделает вид, что не заметила? Но ей не надо было делать вида – она и так никого вокруг не замечала. И он проследовал за ней до «Простоквашино». Они уже ходили вместе в зимнее кафе с тем же названием у центрального рынка, но он не знал, что на набережной есть и летнее заведение от этой фирмы.

Сидя в кафе, находящемся напротив, он наблюдал, как Лада набирала на тарелку разнообразные закуски с воза или телеги, как называют эти импровизированные столы с разносолами. Она говорила, что и в Москве, если выходит в рестораны, то предпочитает «Елки-палки» – сеть раскинувшихся по городу трактиров, идею создания которых воплотили потом во многих городах, называя кабаки то «Любо-дорого», то «Русская кухня».

Ударившаяся в загул женщина выпила графинчик водки, опустошила тарелку и отправилась в другое кафе, расположенное на эстакаде, выдающейся в открытое море, где снова заказывала спиртное и слушала музыку, глядя в пространство невидящим взором.

Виктору уже давно надоела эта бесцельная слежка, хотелось подойти к ней, заговорить, спросить, что такое с ней случилось за пару предрассветных часов, на которые он ее покинул, почему она внезапно решила сбежать и напиться до неприличия в одиночку. Но он почему-то все не мог решиться на открытый контакт и машинально вновь побрел за удаляющейся в сторону Морвокзала одинокой фигуркой, одетой в светлые шорты и черную майку с глубоким вырезом. Он переживал, что она, сильно пьяная, может влипнуть в неприятную историю, чреватую непредсказуемыми последствиями.

Было уже около часа ночи, когда Лада вошла в очередное заведение. Он видел сквозь стеклянную фасадную стену ресторана, как она изучала меню, и зашел на минутку в близстоящий белый домик с буквой «М», но, когда вышел оттуда, ее столик уже пустовал. Виктор заглянул в ресторан и спросил у официантки:

– Здесь только что сидела девушка. Она ушла?

– Сказала, что раз свежей клубники нет, то делать у нас нечего, – фыркнула в ответ девчонка, недоумевающая, кто это интересуется такой заносчивой и капризной дамочкой, которая набралась до такой степени, что, «гордо удаляясь», с трудом попала в дверной проем и едва не разнесла вдребезги стеклянную витрину.

Преследователь вышел на набережную: куда она пропала? Поднялась по неосвещенной лестнице на верхний ярус с тем, чтобы поймать такси, или отправилась на поиски дальнейших

приключений? Влекомый странно ведущей себя женщиной, он так устал от бесцельных скитаний, что решил прервать это неблагодарное занятие и вернуться в пансионат.

Такси довезло его до Адлера и притормозило у автозаправочной станции, но Виктор не стал сразу подниматься к дому друзей, а прошел к морю, чтобы окунуться перед сном. Покрытый крупной галькой морской берег, казалось, был абсолютно пустынным, и он принялся уже стягивать брюки, как вдруг до него донесся чистый голос, который четко, хотя и с некоторым надрывом выводил:

Извела меня кручина,
Подколотная змея.
Ты гори, сторай моя лучина,
Догорю с тобой и я.

Невидимая во тьме безлунной ночи певунья дошла до конца куплета и затянула его снова: по-видимому, знала только один.

– Господи, что ж так жалостливо, что ж так безысходно? – тихим шепотом проговорил неудачливый любовник, обращаясь то ли к мерцающему морю, то ли к сливающемуся с ним беззвездному небу.

Он не сомневался в том, что пела Лада, и стало так мучительно ее жаль, что захотелось разыскать во тьме, идя на голос, обнять, схватить в охапку, отнести на руках в свою комнату и любить на пахнувших лавандой Леночкиных простынях до рассвета, задыхаясь от нежности. Впрочем, все это уже было прошлой ночью. И после этого она сбежала от него на целый день, чтобы сходить с ума в одиночку.

Он ведь не последний человек – чиновник высокого ранга в администрации крупного города, а обратил внимание на обычную девчонку без роду-племени, хоть и москвичку! Целую неделю весьма романтично ухаживал, а сегодня собирался сделать официальное предложение. И это ответ? Что он сделал не так, черт возьми? Был недостаточно хорош в постели, запугал своей страстью или же она узнала в нем по родинке на заднице родного брата, потерянного в раннем детстве? Виктора вдруг охватила такая жестокая обида, что он, снова натянув брюки, пошел прочь, а вслед ему еще печальнее, чем прежде, с размеренными паузами между отдельными словами, понеслось:

То не ветер! Ветер ветку клонит,
Не дубравушка-а шумит,
То мое! Мое сердечко сто-о-нет,
То моя, моя душа болит.

6 АВГУСТА 2003, МОСКВА

Миленина поднялась на третий этаж и с недоумением уставилась на свою дверь: вместо служившей полвека дубовой панели красовался металлический лист, отливая серебром и маня сейфовыми замками, от которых у Лады не было ключей. Она кинула под ноги тяжелую сумку и на всякий случай нажала на кнопку звонка, тут же отозвавшегося переливчатой трелью. Ясное дело, бесполезно ждать, что кто-то откликнется, если там – за дверью – никого. И тут снизу послышалось:

– Бегу, бегу! Не думала, что ты так рано доберешься, хотела, наоборот, пораньше прибыть и попить у тебя кофейку на новой кухне.

Люсьена взбежала на площадку, поправляя растрепавшуюся стрижку каре, и протянула Ладе тяжелую связку ключей:

– На, открывай сама, привыкай.

Совместными усилиями они справились с замками. Люсьена, подтолкнув хозяйку вперед, вошла за ней следом и щелкнула выключателем. Просторную прихожую залили направленные в разные стороны яркие лучи многочисленных светильников.

– Ну? – требовательным тоном спросила гостя.

И Лада с вымученной улыбкой ответила:

– Ослепительно.

Подруга целый месяц занималась дизайном и ремонтом ее квартиры, и теперь, с гордостью демонстрируя плоды своих трудов, нетерпеливо ждала благодарственных похвал и безудержных восторгов, которые Лада в данный момент менее всего готова была проявлять. И все же она не могла не признать, что квартира неузнаваемо изменилась, и все сделанное в ней достойно восхищения.

Прошла в гостиную, заглянула в кухню, ванную комнату и спальню. Что и говорить, здорово! Все выполнено в едином современном стиле и окрашено в светлые пастельные тона. При всем буйстве фантазии дизайнера максимально учтены пожелания заказчика, а затейливость интерьера не исключала возможности комфорта. Правда, без занавесок даже после первого поверхностного взгляда оставалось впечатление пустоты и незавершенности.

Миленина сбросила короткий пиджак спортивного покроя прямо на бежевое ковровое покрытие и кинулась в мягкую упругость кожаного дивана. Противоположная стена, с потолка до пола, представляла собой единый стеллаж, пестрящий разномастными корешками старых и новых книг. Но тома соседствовали друг с другом вовсе не в соответствии с содержанием, как это было принято в этом доме. По-видимому, расстановка производилась в порядке плавного перехода от одной цветовой гаммы к другой. Ладе бросился в глаза оранжевый Плутарх, прижавшийся к алому «Скандинавскому детективу», и она, улыбнувшись про себя, вслух сказала:

– Ой, спасибо, Люлька, здорово! Если бы не ты, я всю оставшуюся жизнь так бы и прозябала в своей совковой берлоге.

– Я теперь не Люлька, а Люсьена Сергеевна, и не домохозяйка, а крутой коммерсант. Бизнес-вумен, – строгим голосом напомнила подруга, выпятив грудь и продемонстрировав при этом полное отсутствие полагающегося бюста. И тут же нарочито манерно «заакала»: – А ты еще и половины всего не осмотрела, а уже растеклась по дивану. Успеешь навалиться, вставай, пошли твою мечту смотреть.

Ладиной мечтой был вместительный зеркальный гардероб, «в который можно входить и выходить». Именно так она и заказала, и дизайнер рассмеялась, делая пометку в своем рабочем блокноте:

– Ну да, чтобы можно было прятать любовника.

– Чтобы прятать любовника, сначала нужно мужа завести, – отшутилась тогда Лада.

А теперь, катая влево и вправо легко скользящую по алюминиевым полозьям зеркальную дверцу шкафа-купе, подумала, что мужа у нее уже не будет, а вот любовников она себе штук сто заведет – столько, сколько успеет, и пусть это они от нее прячутся.

– Э, да ты, я вижу, хорошо погуляла, – хитренько прищурилась Люсьена, взглянув на зеркальное Ладино отражение и словно сейчас вспомнив, что подруга прибыла с курорта. – Загорела, похудела, под глазищами круги, а алкоголем разит так, будто все три недели не просыхала.

– Так и есть, – охотно призналась Миленина. – И в самолете еще приняла для храбрости, так что сейчас спать хочу, помираю.

– Понимаю. А я-то хотела с тобой кофейку попить, посплетничать, даже бутылочку коньячку прикупила по такому случаю, чтобы ремонт обмыть... Ну уж ладно, отдохай.

– Не обижайся, Люлька, я, правда, очень-очень тебе благодарна. Может, вечером куда-нибудь выйдем посидеть? С меня кабак.

– «Перекресток»?

– «Перекресток», – согласилась Лада.

Она с большим облегчением закрыла за подругой дверь и отправилась в ванную. Хотела набрать горячей воды, взбить мощной струей пышную пену с хвойным ароматом и погрузиться в нее. Не для того чтобы помыться – просто понежиться. Но пенки для ванны не было, как и мыла, шампуня и всего остального, чему полагается находиться в ванных комнатах одиноких женщин, как, впрочем, и замужних. Стекланные полки сияли новизной и чистотой (слава Богу, Люсьена позаботилась о том, чтобы хозяйка не начинала знакомства с обновленной квартирой с уборки строительного мусора и отмывания грязных разводов с кафеля и полов). Разбирать сложенные перед отъездом в картонные коробки предметы домашнего обихода не хотелось, и пришлось довольствоваться бутылкой шампуня, купленного, но так и неиспользованного в Сочи. Впрочем, при особой сноровке отличную пенку можно взбить и из него.

Лежа в ванне и потягивая через трубочку джин с тоником из недопитой в самолете пластиковой бутылки, в которую плеснула принесенного подругой коньяку, Лада раздумывала, что бы ей такое надеть вечером, ведь все привезенное с собой нестиранное, а больше ничего толком и нет. И вдруг осенила блестящая, как ей показалось, идея. Она шагнула из пенной ванны на холодную кафельную плитку, решив, что завтра же купит ворсистые напольные коврики, замоталась в оранжевое пляжное полотенце и вышла в прихожую. Ключи, кошелек, старые шлепки – и этого слишком много.

Миленина шла по Кутузовскому проспекту к ближайшему магазину женской одежды, провожаемая недоуменными взглядами встречных прохожих и довольная производимым эффектом: а вы смогли бы? Она прошла через турникет, и за ее спиной зашептались растерянные продавщицы. Не каждый же день, пусть и в разгар лета, к ним навевываются полуголые девицы с мокрыми волосами и в стоптанных тапках на босую ногу!

– Девушка, подберите мне что-нибудь нарядное. Видите, совсем нечего носить, – обратилась Лада к одной из молоденьких продавщиц, и та, догадавшись, что потенциальная покупательница изрядно пьяна, и боясь возможного скандала, принялась вежливо предлагать вечерние платья и элегантные костюмы подходящего размера.

– Пожалуй, вот это, – согласилась Лада на болотного цвета платье прямого покроя с глубоким вырезом на спине и короткими рукавами, буквально выхватила из рук продавщицы вешалку и двинулась в сторону примерочной. Полотенце свалилось с нее раньше, чем она успела до конца задернуть занавеску.

Вышла уже в новом платье, идеально облегающем ее стройную фигурку и, прихватив с полки комплект нижнего белья, направилась к кассе.

– Этикетку-то с платья снимите, – жалостливо посоветовала ей кассир, отсчитывая сдачу с девяти тысяч рублей. Каждую из небрежно кинутых странной покупательницей в блюдечко тысячных купюр девушка предварительно просмотрела на свет.

– Так пойду, – гордо ответила бесшабашная женщина и величественно прошествовала к двери.

– Ваше полотенце, – бросилась за ней продавщица.

– Дарю, – великодушно отозвалась красавица в платье на голое тело, унося с собой зачем-то извлеченные из упаковочной коробки белые кружевные трусики и лифчик.

Телефонный звонок застал Миленину спящей в новом платье поперек незастеленной кровати – единственного предмета в спальне, не считая встроенного в стенную нишу гардероба. Она не сразу сообразила, где находится, еще позже – где же теперь стоит телефонный аппарат.

– Все еще спишь? – раздался в трубке веселый голос Люсьены. – Вставай, собирайся, чисть перышки, крась глазки. В восемь у входа, а то позже не будет свободных мест.

– А куда идем? – тупо спросила Лада.

– Как куда? Не протрезвела еще, что ли? В «Перекресток»!

– Хорошо, Люлька, идем, – машинально ответила похмельная дама и подумала, что ничего хорошего нет. Ни в этом баре, ни в том, что с ней происходит.

Бедная Люсьена все пытается выдать ее замуж. Так уговаривала произвести ремонт в квартире, вызвалась выступать в роли дизайнера и прораба одновременно. Теперь вот тащит в заведение, в котором собираются в основном люди средних лет с целью завести серьезное знакомство с представителями противоположного пола. Женщины при этом даже рассчитывают на брак. И что на это сказать? «Спасибо, подруга, но можешь зря не стараться. И замуж я не выйду, и обстановкой твоей насладиться толком не успею, потому что жить мне осталось всего-то ничего, какой-нибудь там год, а может, и того меньше».

Разве можно произнести такое вслух? Разве возможно передать словами, что испытала в тот жуткий миг, когда обезьянничала в сочинском пансионате у зеркала и вдруг нащупала в правой груди твердое образование размером с крупный грецкий орех? Конечно, надо было сразу же кинуться к врачу-онкологу и проверить, является ли опухоль злокачественной, а если да, то решиться на немедленную операцию. Так бы она и поступила, если бы свято верила в то, что рак излечим, и не знала, чем все это кончается. Но, увы, все этапы этого безнадёжного пути уже были ею пройдены рядом с матерью, которая прошедшей весной умерла от рака груди. Рада Владимировна умерла, несмотря на то что ее изрезали вдоль и поперек, удалив вместе с грудью еще целый ряд внутренних органов. Не выжила, хотя сначала мужественно переносила все мучительные процедуры и принимала дорогостоящие лекарства, а затем, когда официальная медицина расписалась в собственном бессилии, еще долго в одиночку боролась со смертью народными средствами и околонуучными методами. Как она радовалась малейшему улучшению самочувствия, веря в то, что ей удалось переломить ситуацию, и теперь дело пойдет на поправку! Но все поблажки и отсрочки, которые она выпрашивала у судьбы, оказывались незначительными и кратковременными, а поражений случалось больше, чем побед.

Лада подошла к зеркалу и принялась расчесывать волосы массажной щеткой. Вспомнилось, как однажды зашла в гости мамина знакомая:

– Ой, Радочка, как здорово ты похудела, а мне все никак не удается! Прекрасно выглядишь. И волосы такие густые и блестящие. Каким шампунем ты пользуешься?

Мать только улыбнулась в ответ – она совершенно облысела после химиотерапии и носила парик.

Нет, Лада не хотела сражаться с неизбежностью, лежать под капельницей и лелеять зряшние надежды. Тем более, начитавшись специальной литературы, успела усвоить: рак груди у молодых женщин приводит к летальному исходу чаще, чем у пожилых. Молодые и умирают быстрее, причем вне зависимости от срока, на котором выявлено заболевание. Так что лучше уж прожить, как последний, сегодняшней день, чем непрестанно бороться за завтрашний, который может и не наступить. Правда, собравшаяся умирать женщина толком не знала, как распорядиться своим «последним» днем.

Сначала она настолько испугалась, что помчалась сломя голову куда глаза глядят, пытаясь убежать от себя собой. Ушла из «Крутой горки» на целые сутки, в течение которых делала все то, чего раньше боялась, не хотела или просто не позволяла себе: пила в одиночку, каталась на аттракционах, тратила деньги без счета, купалась в ночном море, встречала на берегу рассвет... А потом пришло мрачное отрезвление и понимание неизбежности, и тогда захлестнули отчаяние и обида: за что?

Иногда Лада отчаянно восклицала вслух: «За что, за что?» – жалея маму, себя и оплакивая все то, что не свершилось и в жизни Рады, и в ее собственной, уже клонящейся к закату. Чем они так прогневали Бога, что умирать приходится во цвете лет? Или преждевременный переход в мир иной, наоборот, награда, а глупые смертные боятся пересечь черту, за которой как раз и начинается настоящая жизнь? Она не знала за собой грехов, достойных смертельной кары. Может, дело кроется в прошлом матери? Какая-то черная страница в ее биографии точно была. По крайней мере, Ладе иногда вспоминался эпизод, когда дед Владимир истошно кричал на неё, шестилетнюю девочку, не желавшую признаваться, кто подбил ей глаз:

– Молчишь? Давай, продолжай скрытничать! Своим молчанием ты множишь преступления! Ты такая же упрямая дура, как и твоя мать. Это она своим упрямством загубила десяток молодых жизней! Сначала позволила растоптать свою юность, а потом – и других ни в чем не повинных девчонок!

В детстве Лада общалась с матерью только один месяц в году, и потому образ Рады выкристаллизовался в сознании ребенка совершенно идеальным. Мама жила в Москве и казалась самой красивой и умной, а еще – печальной и загадочной. И она уж точно никогда не смогла бы сделать ничего плохого. От обиды за мать девочка разревелась:

– Это неправда! Мама не могла так поступить! Она никого не топтала, никого не губила! Ты злой, злой!

На крик прибежала бабушка Тоня и вступилась за внучку, но непонятные слова деда отчетливо врезались в детскую память, как стишки из «Мурзилки», и до сих пор еще она иногда гадала, что же такое имел в виду дед. Теперь-то она понимала, что он ничего не говорил просто так и никого не обвинял безосновательно.

С матерью разговоров на эту тему Лада не заводила. Только однажды решилась вдруг выяснить тайну своего рождения, спросила: «Может, ты хоть теперь поведаешь, от кого меня родила» – и тут же пожалела об этом. Рада взвилась:

– «Хоть теперь»? Когда теперь, когда я умираю? Не бойся, я не умру! По крайней мере, это произойдет не так быстро, как тебе хотелось бы.

И дочери пришлось успокаивать мать, извиняться и уверять, что она совсем не то имела в виду. Тема осталась закрытой. Как оказалось, теперь уже навечно.

К «Перекрестку» Миленина подъехала на такси, и все равно опоздала. Принаряженная Люсьена, с явным избытком косметики на узком лице, уже ждала ее за столиком, потягивая через полосатую соломинку спиртной коктейль. Лада заказала себе такой же, быстро осушила стакан и снова подозвала официантку.

– Двести граммов водки и лимон!

– Ты же раньше не пила водку, – удивилась Люсьена.

– Надо же когда-то начинать, – беспечно отозвалась Лада, оглядываясь по сторонам.

– Ты хоть расскажи, как отдохнула, – поинтересовалась Люсьена. – Мужика там себе на курорте не нашла?

– Нашла. Да ещё какого!

– Ну, и?

– А не сложилось!.. Знать, не судьба. Слушай, а денег после ремонта не осталось?

– Остались. Я же тебе говорила: в гардеробе, на верхней полке, в коробочке из-под чая лежат.

– Ты говорила? Я не помню. Надо мне телевизор купить, столик туалетный, белья нового...

– Купи, конечно, – бизнес-вумен, слегка прищурившись от начавшего распространяться по залу сигаретного дыма, озабоченно следила за действиями подруги, которая за какие-то десять минут наливала себе уже третью рюмку. – Да ты сегодня явно решила набраться. Что-нибудь случилось?

– Все ерунда. Суета сует и всяческая суета. Пошли, потанцуем, – и Лада, схватив подругу за руку, потянула ее в сторону эстрады.

– Подожди, рано еще, я не созрела, – отбивалась Люсьена. – Пстой, чудачка, да у тебя же этикетка на спине висит!..

Разбудил Ладу телефонный звонок.

– Ну, как ты там, отошла? – раздался в трубке насмешливый голос дизайнера-оформителя.

– От чего?.. А, я вчера немного перебрала. Много танцевала и, кажется, с кем-то целовалась...

– Не с кем-то, а со всеми подряд!

– Разве?

– Ты что, вообще ничего не помнишь? Я тебя насилу оторвала от двух мужиков, которых ты обнимала и целовала обоих разом и требовала, чтобы тебя носили на руках! Еле в такси тебя упаковала, а потом тащила до самой двери!

– Серьезно, что ли? – удивилась Лада. Она совершенно не помнила, как попала вчера (или уже сегодня?) в свою квартиру. Впрочем, и не хотела ничего помнить – ей было все равно.

2 октября 2003 года, Москва

Миленина сидела на каменной ступеньке перед входом в «Перекресток» и мучительно раздумывала, что бы ей такое предпринять. Она отчаянно замерзла и слегка протрезвела, но ни одной умной мысли в голову все же не приходило. Полчаса назад ее выгнали из кафе, отказавшись выдать верхнюю одежду. А все тот мерзкий портье, или как он там называется, который невзлюбил ее с самых первых посещений, а в последние два раза просто в открытую издевался.

Три дня назад она пришла сюда с мужчиной, которого просто-напросто «сняла» по дороге. Подошла к одиноко курящему у выхода из метро симпатичному на вид, прилично одетому парню и спросила:

– Кого-нибудь ждем?

– Что? – удивился он внезапному вопросу. – Нет, не жду.

– Тогда пойдем в кафе посидим! В «Перекресток». Тут рядышком.

– Пойдем, посидим, – после некоторого раздумья согласился молодой человек, предвзвительно окинув ее любопытным взглядом.

– Я – Лада, – представилась она.

Парень тоже назвал свое имя, но она его уже забыла. Не помнила и причины, по которой, изрядно набравшись, она с ним разругалась. Перед глазами стояло только, как она униженно выпрашивала свое демисезонное пальто, а наглый портье по ту сторону гардеробной стойки, премерзко улыбаясь, упорно требовал номерок. Пластиковый жетончик остался в кармане брюк у незнакомца, которого она послала куда подальше – а тот и пошел. Но сначала она этого не поняла, и все шарила по своим карманам, а потом даже вытряхивала на кресло в фойе содержимое сумочки.

– Ну нет у меня номерка и что мне теперь делать?

– Это ваши проблемы, – хамовато отвечал гардеробщик. Для нее он тоже был безымянным, как и многие другие «знакомые на вечер».

– Вы же прекрасно помните мое пальто, вон оно, черное. Я часто к вам прихожу... Я же не прошу у вас чужого «песца». Ну, пожалуйста, – униженно умоляла Лада.

Но лопухий собеседник был неумолим:

– Когда разберут всю одежду, последнее, что останется – ваше.

– Мне теперь до утра тут сидеть?

– Хоть до скончания века.

Она хлопнула со злостью дверью и ушла. Ей повезло. К заведению только что подъехало такси, и Лада тут же в него села, назвав свой адрес и не торгуясь... Но тогда у нее были деньги. А теперь – нет.

Сегодня все сложилось просто отвратительно. Она приехала одна и по привычке принялась накачиваться водкой, закусывая исключительно лимоном. Внимательно всматривалась в лица посетителей, но «снимать» было явно некого. Все мужчины казались ей слишком старыми, лысыми, потертыми. Достойные внимания кандидаты либо пришли со спутницами, либо сидели за столиком втроем, вчетвером и танцевать не выходили. А подсаживаться к большой мужской компании Лада все же не решалась, несмотря на то что приняла уже больше двухсот граммов, не считая выпитого дома перед выходом в свет.

После шестой рюмки искательнице приключений вдруг стало отчаянно скучно. Захотелось есть, а денег было не густо, она заметила это, только расплатившись за последнюю порцию выпивки. Думала, что в другом отделении кошелек имеет пара тысяч рублей, но их там почему-то не оказалось.

Миленина пошла к выходу и по пути опрокинула пустующий сервированный столик. Она была уверена, что всему виной официантка, которая чуть ли не бегом неслась с подносом

грязной посуды на кухню и врезалась в Ладу. Но женщина подняла страшный крик, вопя, что поднос у нее из рук выбила тоже Лада, дескать, посетительница напилась так, что не держится на ногах. А потом набежала толпа обслуживающего персонала, и все хором стали подсчитывать убытки. Не так уж много там и разбилось, но насчитали девятьсот рублей, а в кошельке оказалось только триста. И, конечно, этот ублюдок из гардероба опять отказался выдавать ей пальто. А в залог оставить было совершенно нечего – ни часов, ни кольца на ней сегодня не было.

– Что у вас тут за забегаловка! В приличных заведениях с постоянными клиентами так не поступают, – возмущенно выкрикивала Лада, шатаясь и привлекая внимание выходящих из туалета посетителей.

– В приличные заведения таких особ, как вы, просто не пускают, – парировал гардеробщик, и ей ничего не оставалось, как выйти на улицу.

И вот теперь бесприютная персона сидела в тонком хлопчатобумажном джемпере и джинсах на казавшейся ледяной бетонной ступеньке и пыталась сообразить, как выйти из скандальной ситуации. Проситься в такси не только без верхней одежды, но и без денег было опасно, а позвонить ей было неоткуда, да и некому. Единственная былая подруга в последние дни явно ее избегала. Ладе даже показалось, что когда она в последний раз звонила Люсьене, то слышала звучащий на дальнем плане ее голос, в то время как ребенок сказал, что мамы дома нет.

Миленина уже начала впадать в отчаяние, и тут из припаркованной вишневой «девятки» вышла троица – двое мужчин и девушка – и двинулась к заведению. Один из мужчин Ладе был явно знаком. К счастью, она вспомнила раньше, чем за ним (он заходил последним) захлопнулась металлопластиковая дверь «Перекрестка».

– Мужчина, не хотите выкупить даме пальто? – произнесла она слегка дрожащим голосом. Хотела с юмором, а вышло как-то жалобно.

Он остановился и уставился на вскочившую на ноги женщину сквозь толстые стекла очков. По-видимому, вспоминал, где мог ее видеть. Испугавшись, что он сейчас проследует за своими друзьями, а она останется мерзнуть на улице дальше, Лада попросила:

– Лень, будь другом, а! Заплати шестьсот рублей за мое пальто! Я обязательно верну.

– А что случилось? – растерянно спросил он, продолжая напряженно всматриваться в ее лицо.

– Да все этот придурок из гардероба! Он считает, что я осталась должна заведению, будто бы я им фужеры побила. Сами все расколотили, сбили меня с ног...

– Пошли, – решился Леонид.

Лада впорхнула за ним вслед в открытую дверь и с торжеством устала на своего обидчика. Так тебе, ушастый! Она спасена, она не пропала. Ноги ее больше не будет в этой забегаловке! Однако спаситель не спешил лезть в карман за деньгами – он упорно набирал какой-то номер на сотовом телефоне, Лада смотрела на него выжидающе, гардеробщик на нее – насмешливо.

– Недоступен. На дачу что ли поехал? – растерянно произнес Леонид.

– Кто? – не поняла Лада.

– Отец. Кто же еще?

– А тебе, чтобы заплатить за мое пальто, надо с папой посоветоваться?

– Да нет, конечно. Просто подумал, он за тобой приедет.

Миленина решительно не понимала, с какой стати за ней должен приезжать человек, который вряд ли подозревает о ее существовании, но лишних вопросов задавать не стала. Тем более что Леонид уже отсчитал шестьсот рублей и протянул их лопоухому. Лада швырнула на стойку номерок и получила взамен пальто. Накинув его, она потянула Леонида к выходу. Надо было еще заставить его поймать такси и оплатить проезд.

К ее удивлению, Леонид сел в машину вместе с ней. Хочет, чтобы я, как только приедем, сразу же и рассчиталась, подумала Лада, несмотря на его фразу: «Доставлю уж до дома, чтобы еще чего-нибудь с вами не случилось». Тоже мне, заботливый, усмехнулась про себя она, вот мужик нынче пошел – за тысячу удавится!..

Просыпалась Миленина мучительно-болезненно, в несколько этапов. Она не спешила вырываться из объятий сна, предчувствуя, что будет еще больнее. Пить хотелось так сильно, что возникало ощущение растресканности губ. Впрочем, может, так оно и было. А еще что-то явно случилось с ее глазом – он никак не хотел разлепляться, а вся левая половина лица тянула и ныла.

– Доброе утро, красавица, – услышала она слегка насмешливый голос и вздрогнула. Кто это еще в ее квартире?

Открыла правый глаз, и взгляд уперся в сидящего напротив мужчину, босого, в расстегнутой рубашке, но при этом в очках... Лада вспомнила: это Леонид. Он привез ее вчера из «Перекрестка». Но почему остался ночевать? Разве она ему позволила? И тут обнаружился пластиковый тазик у кровати, стеклянный кувшин с водой, белое полотенце...

– Отошла? – спросил уролог с прежней иронией в голосе. – Чай, кофе, потанцуем?

– Апельсиновый сок, – попросила Лада, с трудом шевеля губами, и осознала: вчера, когда они приехали в ее квартиру, она опять что-то пила. И не что-то, а водку, и, наверное, слишком много, ибо, судя по интерьеру, ей стало плохо, и Леониду пришлось с ней изрядно повозиться.

Она села на кровати, чтобы выпить принесенный им сок, и тут в голове тревожной лампочкой вспыхнула мысль: наверное, ее рвало. А потом еще одна: что-то было у них или нет? Лада жадно осушила стакан, хотела встать, но ее сильно качнуло, и Леонид подхватил ее под локоть.

– Тише, тише, только, пожалуйста, не грохнись опять! Давай до ванны провожу, – и повел осторожно, как тяжело больную, которая делает первые шаги после только что перенесенной операции.

В ванной она взглянула на себя в зеркало и тут же распахнула только что прикрытую за собой дверь:

– Это ты мне синяк поставил?

– Ага, и бокалы в «Перекрестке» тоже побил я.

Глаз совершенно заплыл, лицо распухло, синяк был зловеще-бордовым, а губы и в самом деле запеклись и растрескались...

Потом она пила кофе, с трудом сдерживая тошноту и прикрывая левую половину лица влажным полотенцем, а Леонид со смехом рассказывал ей, как она категорически отказывалась его отпустить, предлагала на выбор спиртное из своих запасов, хвасталась, что перепьет любого мужика, и залихватски опрокидывала в рот рюмку за рюмкой. А потом попыталась исполнить восточный танец, но буквально пару раз взмахнув руками, споткнулась на ровном месте и рухнула лицом на журнальный столик.

– Что, действительно ничего не помнишь? – не верил он.

– Так, местами, – неохотно ответила танцовщица и, несмотря на мучавшие ее стыд и раскаянье, все же задала самый важный вопрос: – У нас что-то было?

– В каком смысле?

– В прямом. Ну, секс...

– Еще чего! Стал бы я так поступать со своим отцом, даже если бы и очень хотелось.

– При чем тут твой отец? – Лада вспомнила, что и вчера Леонид почему-то пытался ему дозвониться. – Чтобы переспать с женщиной, тебе нужно его благословение?

– Да я никогда в жизни не стал бы приставать к женщине своего отца.

– А почему я – его женщина?

– А что, нет?

– Да я его знать не знаю!

– А откуда же я тогда тебя знаю? Мы столкнулись возле клиники, когда ты с отцом выходила из кафетерия. Разве нет?

Миленина рассмеялась, и ушибленное место под глазом отозвалось стреляющей болью. Она попыталась передразнить Веру Антоновну, но вышло непохоже:

– Леня, Леня, кто это? Это же Катька, какая наглость...

– Ты о чем? – он взглянул на похмельную женщину встревожено: неужели опять бредит?

– Я – Лада. Мы отдыхали в одно и то же время в «Крутой горке» в Сочи, ты приехал с матерью, а еще там остановилась Катерина Семеновна. Это она – любовница твоего отца, а не я.

– А-а-а! Лада, ну конечно! А я вчера вспоминал, вспоминал... Ха-ха, вот это номер! Хорошо, что я вчера не дозвонился. Представляешь, как бы отец обалдел, если бы я ему сказал: мол, приезжай в «Перекресток», забери свою пьяную даму! Он бы примчался, а тут... Ха-ха! Так я, стало быть, вчера выкупил в кафе постороннюю женщину за шестьсот рублей. И не воспользовался... Ха-ха! Извини... Слушай, ну ты очень похожа на красотку, с которой отец из кафе выходил!

– А что, с Катей у твоего папы уже все в прошлом?

– Катя замуж вышла сразу по возвращении из Сочи.

– И теперь твоя мама ревнует к новой пассии?

– Мама больше играет, чем ревнует. Она, может, плохая актриса, но совсем не так глупа, как кажется.

– А ты ей подыгрываешь?

– А я всем подыгрываю, – вздохнул Леонид.

И Ладе вдруг стало его жалко. Даже больше, чем себя. После его ухода (вернуть деньги она забыла) страдалица выпила полбанки холодного пива и снова легла спать, мысленно давая себе слово больше никогда так не надираться и вообще что-то кардинально решить со своей жизнью, по крайней мере, с ее остатком. Лечь получилось только на спину, ибо левая сторона лица была разбита, а на правом бедре красовался ничуть не меньший по размерам, чем под глазом, синяк. По-видимому, она получила его при ударе об угол стола в кафе. И все же она не была виновата – это корова-официантка ее толкнула, не иначе...

6 октября 2003 года, Москва

Решение созрело через три дня, в течение которых Миленина медленно выходила из запоя, принимая не больше ста граммов водки вечером и начиная новый день с банки пива или джина-тоника. Спиртное она сэкономила, потому что запасов его оказалось не столь уж много, а выходить из дома с разбитым лицом было стыдно. Лада часами валялась на кожаном диване у нового телевизора, закутавшись в мягкий плед и бесцельно переключая каналы. Иногда она плакала, отчаянно жалея себя и понимая, что ей некому даже позвонить, чтобы получить совет и утешение или хотя бы просто перекинуться парой ничего не значащих слов.

Телевизор, музыкальный центр, гардины да пару комплектов постельного белья – это все, что она купила на оставшиеся от ремонта деньги, и теперь, после целого месяца разгульной жизни, их практически не осталось, а выходить на работу не имело смысла – ну что она там наработает? Месяц, два, а потом ей станет настолько плохо, что все равно придется уходить на бессрочный больничный. Да и пока еще она получит первую зарплату! А запас хоть каких-то продуктов надо сделать уже сейчас, не говоря уже о скопившихся на столике в прихожей квитанциях на оплату коммунальных услуг. Надо было срочно придумать, как раздобыть средства к существованию и избавиться от безумного одиночества. «Чтобы что-то купить, надо сначала что-то продать!», – произнесла вслух Лада и невесело рассеялась глубокомысленному замечанию героя своего любимого мультлика.

Сначала возникла безумная идея продать квартиру и уехать в зарубежное турне. Она ведь никогда не была за границей, разве что в Баку, который сейчас уже является столицей зарубежного государства. Кстати, о Баку – там живет единственная оставшаяся у нее подруга детства... А после можно отправиться в Венецию, Рим, Вену, Прагу, в круиз по Средиземному морю, а то и вовсе на Канарские острова! Жилье в Москве на один год она могла бы снять – на большой срок постоянное убежище вряд ли понадобится. А может, она объедет весь мир и закончит свой земной путь где-нибудь очень далеко от Москвы. Вспомнилось название детектива «Увидеть Лондон и умереть», и из глаз снова потекли слезы, ставшие такими привычными на ее почерневшем от пьянства и бессонницы лице.

Нет, жилье продавать не стоит. Неизвестно, насколько достанет сил для дальних странствий, да и путешествовать надо не в одиночку. Нужен постоянный спутник, который создаст иллюзию любви, будет заботиться о ней до самого последнего дня, и за это получит в наследство приличную квартиру. Итак, надо немедленно выйти замуж, но при этом честно объявить, чего она хочет и что он за это получит. Только вот где взять достойного претендента? Мужчина должен быть молод и умен, чтобы стать пылким любовником и интересным собеседником, но при этом он должен быть совершенно свободен! То, что ей нужно, на дороге не валяется. А может, дать объявление в газету? «Симпатичная женщина ищет молодого спутника для заграничного турне за ее счет». Телефон оборвут. Особенно, если еще приписать «с правом наследования трехкомнатной квартиры». И как среди сотен придурков выбрать достойного ее предложения мужчину?

Миленина потянулась к лежащей на журнальном столике газете-толстушке и, пролистав ее, раскрыла на странице брачных объявлений. «Мужчина пятидесяти шести лет...», «Двое парней, 18 и 19 лет, ищут красивых девчонок для совместного секса и веселого времяпровождения...», «Одинокое израненное сердце гордого Льва...». Какая чушь! А вот это уже интереснее: «Исполню самые потаенные желания состоятельной дамы». Лада вдруг поняла, где надо искать. Мальчики по вызову – это ее шанс! Они молоды, красивы, сексуальны и невзыскательны. Как правило, не имеют своего жилья, и каждый будет рад получить работу, которую она хочет предложить. Она ведь не мерзкая толстая старуха, которой надо угождать за сто долларов в час, или сколько они там берут? Лада набрала номер телефона одного из агентств,

обещавшего отдых и развлечения, выбрав его из множества других исключительно за неординарность названия.

– Сто лет без одиночества, – проворковал с интимными нотками нежный женский голосок на том конце провода, и впервые обратившаяся в фирму клиентка сказала:

– Девушка, мне надо с вами поговорить, но только не по телефону. У меня очень необычное предложение.

– У всех необычные.

Но заказчица все же настояла на личной встрече.

С Ниной, которая оказалась не настолько молода, как можно было судить по ее воркующему голосу, они встретились у памятника Пушкину. Лада описала себя как «светловолосую женщину в длинном черном пальто с красным шарфом» и очень тщательно готовилась к встрече. Когда она поставила на подоконник зеркало и внимательно взгляделась в свое лицо, ее обуял ужас. Правый глаз отливал всеми цветами радуги, левый выглядел не лучше, поскольку набрякшие веки оттенялись черным полукружием, да и сам овал опухшего от спиртного и слез лица как-то расплылся, появился даже второй подбородок. Лада принялась втирать в кожу тональный крем, замазывая синяк и черный круг, но выходило плохо. В итоге она явно переборщила с кремом и пудрой, толстый слой которых создал гротескную маску с неестественно пухлыми губами.

Нина смотрела на путающуюся в мыслях и сбивающуюся в слова незнакомку, изображая заинтересованность, а сама все пыталась определить, сколько же ей лет. Опытным взглядом она оценила и подчеркиваемую длинным пальто стройную фигуру, и пышность оригинально окрашенных волос под красным шарфом. Но морщинистое лицо со следами побоев под толстым слоем неумело наложенного грима выдавало в его обладательнице женщину слегка за сорок, измученную жизнью и несчастливую.

– Я неизлечимо больна и совершенно одинока. Нужен человек, который проживет со мной остаток моих дней, – начала Лада с главного, но вдруг остро почувствовала театральность своих слов и всего происходящего и торопливо договорила: – Мне нужен муж на год, может, меньше, которому я оставлю свою квартиру. У меня хорошая квартира и есть средства для безбедной жизни. Но он должен быть добр и заботлив, я хочу чувствовать себя любимой. Понимаю, любви по заказу не бывает, но хотя бы иллюзия... Я подумала, вы смогли бы подобрать мне такого человека.

Нина поняла и почти не удивилась: она работала в сфере нереализованных желаний – кому-то нужен мужчина на вечер, кому-то на год. Это было хорошее предложение, Нина уже знала, кого им осчастливит, об этом она и сказала Ладе. А та просила:

– А можно так устроить, чтобы все было естественно? Организуйте нам как будто случайную встречу. Идеально, если бы пришли сразу два парня, и у меня был выбор. И еще. Я не хочу договариваться с этим человеком об условиях, расскажите все сами, объясните. Мне не нужны жалость и напоминания о моем положении. Я хочу всего лишь побыть немного счастливой и в конечном итоге – кому-то полезной...

Нина, попросив в агентство больше не звонить, оставила для связи номер личного сотового телефона. Они договорились, что через шесть дней Лада отправится пообедать в кафе, в котором ее будут ждать. Неделя нужна была для того, чтобы привести в порядок свои мысли, а главное – лицо. Насколько это, конечно, возможно.

4 ноября 2003 года, Москва

Из-за шума работающего пылесоса Миленина не сразу расслышала переливчатую трель дверного звонка. Она никого не ждала. Некому было к ней прийти, разве что кто-то ошибся адресом или очередной «представитель торговой фирмы» сгорает от желания вручить именно ей лично в руки приглашение на торжественную презентацию, а также беспроектный лотерейный билет и уникальный товар с умопомрачительной скидкой, то есть практически даром.

Не став выключать пылесос, Лада просто бросила на ковер металлическую трубу с насаженной на нее пластиковой щеткой и побежала в проходную. Она не расслышала обращенной к ней фразы, на всякий случай сказала: «Вы ошиблись» – и собиралась было захлопнуть дверь перед носом стоящего на площадке мужчины высокого роста и плотного сложения, как он вдруг, сделав молниеносный выпад, обхватил ее одной рукой и, зажимая рот другой, поволок вглубь квартиры. Уже через несколько секунд она обнаружила себя сидящей на собственном диване в обнимку с громилой лет тридцати пяти, одетым в дорогой серый костюм. Мужчина зажимал ей рот огромной жесткой ладонью, пахнущей чем-то мятым и пряным.

Пленница и не пыталась вырваться, прекрасно осознавая, что это бесполезно. Она лишь сложила на коленях инстинктивно поднятые к горлу в момент «захвата» руки и просто смотрела, как в комнату легкой пружинистой походкой входит высокий стройный мужчина, одетый в точно такой же костюм, как и его телохранитель, или кем там приходится один бандит другому. В том, что к ней нагрянули грабители, она не сомневалась, удивительно было лишь то, что уж слишком они были импозантны и что пожаловали именно к ней.

Темноволосый кареглазый красавец с безупречно-правильными чертами лица опустил в кресло и, уставившись на Ладу долгим немигающим взглядом, некоторое время внимательно рассматривал ее, потом наклонился, выключил натужно гудящий пылесос, пытающийся втянуть в себя целлофановый пакет, и мягко произнес:

– Будешь кричать или попытаешься бежать – Коля тебя задушит раньше, чем кто-то успеет прийти на помощь. Ясно?

Миленина опустила глаза в знак признания весомости аргумента, и ее тут же опустили. Она поправила упавшую на лицо прядь волос и спокойно произнесла:

– Воровать у меня нечего. Ни одного ценного предмета. Разве что мебель решитесь вывозить. Но это хлопотно, тем более что она у меня по большей части встроенная.

Коля ухмыльнулся, встав с дивана, потянулся лениво, с особой грацией, присущей только очень крупным людям, и прошел в другую комнату, словно желал немедленно убедиться в том, что Лада сказала правду.

– Воровать, значит, нечего, – насмешливо повторил незнакомец. – В доме мебель – и только. Была парочка ценных вещиц, да и тех уже нету?

– Так и есть, – смиренно подтвердила хозяйка.

– А с чего ты взяла, что мы пришли тебя ограбить?

– Зачем же еще? – пожала она плечами.

– Может быть, просто поговорить. Ты Лада Миленина?

– Я-то – да. Может, вы тоже представитесь, раз уж знаете, как меня зовут, и пришли поговорить?.. Не знаю, правда, о чем.

– Ибрагимов Таир Алиевич, – нехотя ответил мужчина.

– Ну, конечно, – Лада мысленно посетовала на свою недогадливость и насмешливо произнесла: – Хош гяльмисиниз!¹

¹ Добро пожаловать! (Здесь и далее азербайджанские слова даются в русской транскрипции и в переводе автора.)

- Азербайджанджа билирсян?² — удивился Таир.
- Чох яхшы билирям³.
- Во как! Стало быть, землячка. Но ты ведь не азербайджанка, нет?
- Нет, но мой дед всегда говорил, что надо знать язык врага.
- Очень умно. Что еще говорил твой дед?

Лада почувствовала, что задела своего неожиданного визитера за живое, и с вызовом продолжила:

- Еще он говорил, что чурка всегда остается чуркой, в какие одежды его не ряди!
- Ладно, о национальных проблемах мы после поговорим. Если захочешь. А сейчас ну-ка скажи мне: откуда у тебя это?

Кавказец вытащил из внутреннего нагрудного кармана пиджака небольшой бумажный пакетик и ловко, словно иллюзионист, извлек оттуда перстень и пару сережек, и драгоценные камни вспыхнули в пробивающихся сквозь тюлевую занавеску лучах северного солнца, необычно яркого для ноябрьского дня.

Лада, если и была поражена, то не выразила этого ни словом, ни взглядом. Как можно равнодушнее ответила:

- Эти серьги и кольцо принадлежали моей бабушке.
- В таком случае, здравствуй, сестренка! Похоже, у нас с тобой была общая бабушка.
- Ну, положим, этого не может быть, – решительно начала Лада и осеклась. А почему бы и нет? Она ведь не знала своего отца. Вполне возможно, он был азербайджанцем. Хотя бы наполовину. Может, дед не просто так кричал на нее в минуты запала: «Чурка ты бестолковая!» – А в чем, собственно, дело? И как это все попало к вам?

– Из ювелирного магазина. Я выкупил эти предметы, потому что они являются семейной реликвией и принадлежали *моей* бабушке. А до того – прабабушке и так далее. Вопрос, как это попало к тебе?

- Я же говорю, от бабушки.
- Где твоя бабушка?
- Она давно умерла.
- А твоя мать? Дед? Другие родственники?
- Тоже умерли. У меня никого нет.
- Сейчас заплачу! Фамилия у тебя от деда?
- Нет. По мужу. Мой дед был Костюков.
- Что-то знакомое, – Таир прищурился, пытаясь вспомнить. – Кем он был? Где работал?
- В Москву наша семья переехала, когда дедушка уже вышел в отставку. А до того он работал старшим следователем по особо важным делам.

– Вот оно что, – незваный гость взвился и подскочил. – Баку, тысяча девятьсот семьдесят шестой год! Костюков Владимир Владимирович!

- Вы знали моего деда?
- К сожалению, знал! А ты з-знаешь, – Таир наклонился над Ладой и затряс перед ее лицом золотыми изделиями, – что з-за эти вот цацки твой дед уб-бил моего б-б-рата?

– Этого не может быть, – холодно и спокойно ответила она, несколько, однако, озадаченная тем, что нормально говоривший человек вдруг сразу стал так сильно заикаться. – А что до этих цацек, то мне они все равно уже не нужны.

– Да, н-навверное, не н-нужны, раз ты сдала их в к-комиссионку. А где все остальное, что п-похитил твой д-дед вместе с этим к-комплектom? Где к-картины?

² Ты знаешь азербайджанский?

³ Очень хорошо знаю.

– Какие картины? В нашем доме сроду не было никаких картин. Разве что репродукция «Незнакомки» Карамзина. Но и ту выбросили, когда делали ремонт в квартире.

– С-стало быть, твой д-дед их сбыл? К-кому? Ты должна что-то знать! Я не отстану от тебя, пока не р-расск-кажешь!

– Слушай, не нависай надо мной как фигура возмездия, а! – досадливо попросила Лада, и в речи ее отчетливо зазвучал бакинский акцент, – лучше отведи меня куда-нибудь пообедать. Думаю, ты не бедный. А то могу заплатить и я.

– Ловкий фокус, но не с-сработает, – карие глаза Таира налились с трудом сдерживаемой яростью. – Ты не выйдешь отсюда, пока мне все не расскажешь. Все, что з-знаешь и чего не знаешь – тоже!

– Я ничего не буду говорить, пока не пообедаю, очень есть хочется! А если ты думаешь, что я попытаюсь убежать или поднять крик в общественном заведении, то глубоко заблуждаешься. Я тебя нисколько не боюсь! Мне вообще в этой жизни нечего бояться.

– Во как! Смелая к-какая выискалась! Внучка коммунара, – визитер уже овладел собой и заикаться почти перестал. – Всем есть чего бояться в этой жизни – а ей, видите ли, нечего!

– Мне и правда – нечего. Я скоро умру. У меня рак. Так что чуть раньше или чуть позже – особого значения не имеет.

– Во как? – Таир снова окинул девушку внимательным взглядом, будто только что увидел ее впервые и сказал: – Жаль. Если, конечно, ты не врешь.

– Мне тоже очень жаль, – скорбно произнесла Лада, словно говорила о ком-то другом, выражая соболезнования родственникам покойного.

В этот вечер ей предстояло услышать долгий рассказ о событиях почти тридцатилетней давности.

1 июля 1977 года, Баку

День рождения десятилетней Мехрибан праздновали в семейном кругу, который никак нельзя было назвать узким, поскольку семья, когда она была в полном сборе, с трудом размещалась даже в таком просторном зале, как гостиная Магомеда Ибрагимова – человека солидного и уважаемого. Работал он режиссером на киностудии «Азербайджанфильм» и вращался в самых высших кругах республиканской элиты.

В первый день июля поздравить дочь Магомеда с первым в ее жизни юбилеем пришли только самые близкие родственники, и набралось их тринадцать человек. Тетя Тахира с мужем Юсуфом и сыном Кямалом. Тетя Зухра с сыном Манафом и дядя Али с женой Ольгой. Конечно, присутствовали на торжестве и родители именинницы, и ее родной брат Низами с беременной женой.

Во главе стола, составленного из двух – кухонного и обеденного, сидела самая старшая в роду – Сурея-ханум. Чинная и благообразная, в белом шелковом платке, накинутом на выкрашенные хной седые волосы, она с гордостью взирала на свое семейство. Четверых детей она подняла и всем дала высшее образование. И вот они в очередной раз собрались за одним столом, с мужьями, женами, детьми. У старшего сына вот-вот внук родился. Аллах гойса⁴, будут у нее, Суреи, и еще правнуки. А значит, счастливая она женщина, не зря свой век прожила...

Все уже поздравили Мери и вручили ей подарки, и только ее двоюродный брат Таир, сын Али и Ольги, непозволительно задержался и опоздал к началу торжества. Имениннице сказали, что братик готовит ей сюрприз, и девочка, уже развернувшая и рассмотревшая все подарки, время от времени выглядывала в прихожую в ожидании прихода Таира. И все же проглядела его появление.

Входная дверь была не заперта, и он торопливо разувался в дядиной прихожей, когда сквозь разноголосицу застолья донеслось замечание отца:

– Совсем у парня нет чувства времени.

А мать тихо и тревожно ответила:

– Не случилось бы чего!

Таир ринулся в зал и замер на пороге. Он как-то выпустил из виду, что из всех его двоюродных братьев и сестер самой младшей была нынешняя именинница Мехрибан, которой исполнилось десять лет, и детям уже не накрывали отдельного стола, так что пришлось сразу же предстать перед всеми взрослыми родственниками, в глазах которых читалось явное осуждение.

– А вот и самый занятой и долгожданный наш гость пожаловал, – насмешливо протянул хозяин дома.

Запыхавшийся и смущенный мальчик не смог и слова вымолвить в свое оправдание. Но его любимая тетка Тахира лукаво подмигнула ему, а Мехрибан с разбегу кинулась на шею. Расцеловав, обдала запахом карамели и французских духов, по-видимому, выпрошенных по такому случаю у мамы Зейнаб, забрала из рук порядком растрепавшийся на горячем бакинском ветру букет разноцветных орхидей. Таир знал, что сегодня все будут дарить девочке розы, и очень хотелось, чтобы его цветы выделялись из общего числа и их поставили бы в отдельную вазу, а не в общей охапке, даже не освободив из целлофана, как все остальные. Так и вышло. Мехрибан воскликнула:

– Ой, какие они красивые, я таких никогда не видела... Мама, мама, китайскую вазу дай!

⁴ Аллах гойса – даст Бог.

Конечно, таких цветов сестренка Мери еще не видела! Орхидеи пяти разных цветов можно достать только в теплице однорукого фронтовика Кочубея. Таир ездил за букетом в отдаленный от центра район города, который назывался почему-то «восьмой километр», и они вместе со стариком-ветераном отобрали пять нежных цветков – белый, желтый, розовый, голубой, сиреневый. Кочубей вообще-то неохотно продавал свои цветы, он выращивал их скорее из любви к искусству, нежели ради собственной выгоды, но этому мальчику всегда охотно собирал букеты, причем отдавал их за весьма символическую плату. Ведь именно Таир вот уже три года подряд приезжал двадцать третьего февраля поздравлять ветерана с Днем Советской Армии и Военно-морского флота, а накануне девятого мая – с Днем Победы. А потом сопровождал фронтовика на школьные «уроки мужества», где Кочубей делился с учениками воспоминаниями о боях и сражениях, в которых ему довелось принять участие в годы Великой Отечественной войны.

Тетя Зейнаб поднялась из-за стола и стала пробираться к серванту за вазой, остальные женщины на все лады принялись выражать восхищение цветами, разглядывать их и нюхать. Тем временем Таир, воспользовавшись тем, что всеобщее внимание переключилось с его персоны на необычный букет, прошмыгнул на отведенное ему место: пустовал только один стул – между его матерью и двоюродным братом Манафом, который перешел на второй курс института.

– Цветы – это, конечно, хорошо, но они тебя не оправдывают. Мог бы рассчитать время и выехать пораньше, – строго сказала мать. – Я уже волноваться начала.

– Да что со мной случится, мама! Ты все время нервничаешь зря, – ответил Таир и честно признался: – У бабушки с дедушкой засиделся.

Он обвел глазами роскошно сервированный стол, судорожно сглотнул заполнившую рот слюну и, не дожидаясь приглашения, принялся перекидывать с общих блюд в свою тарелку оливье, селедку под шубой, тонко нарезанные ломтики голландского сыра и говяжьего языка, свежие и маринованные овощи. Горячего еще не подавали. Таир только успел закинуть в рот первую ложку салата, как услышал насмешливый голос Манафа. Брат тихо сказал ему в самое ухо:

– Ай-ай, как не стыдно! Накинулся на еду как гермямиш!⁵ Что, твои бедные родственники тебя не накормили? Или им и самим есть нечего?

– Сам ты гермямиш! А мои бабушка и дедушка вовсе не бедные, – с обидой возразил Таир, – они побогаче многих, сидящих за этим столом!

– Ах, я и забыл, что евреи бедными не бывают! Твой дед, наверное, ювелир? Или он зубной врач, как все евреи?

Оголодавший гость всерьез разозлился и даже вилку в сторону откинул. За семейным столом собрались одни азербайджанцы, одна только его мама была русской. Но говорили в этом доме в основном по-русски, никто не допускал обидных намеков и злых насмешек в отношении национальной принадлежности родственников и друзей, и только Манаф позволял себе иногда подчеркивать, что его двоюродный брат – не чистый азербайджанец, а метис, и произносил это слово с явным презрением.

– Сам ты еврей, – сердито выпалил Таир.

– Я-то – нет. А ты сам говорил, что твои предки были евреями.

Подросток в который раз пожалел о своей излишней откровенности. Он действительно сказал как-то Манафу, что отец его прабабки был наполовину евреем, и теперь, словно в оправдание, принялся бахвалиться:

– Зато мой прадед был князем, а твой – зибильщиком!⁶

⁵ Гермямиш – человек, который ничего не видел.

⁶ Зибильщик – мусорщик.

– Ну и что же, у нас любой труд в почете! Да лучше быть азербайджанским зибильщиком, чем еврейским князем!

– Князем был другой мой прадед, и вовсе он не еврей!

– Что еще за разговор завели? – вскинулась мать Манафа Зухра, до которой донесся обрывок спора.

Но тут лица братьев внезапно осветила резкая вспышка – это отец Таира щелкнул затвором фотоаппарата. А Магомед поднялся с бокалом вина в руке, чтобы произнести тост, и все разом замолчали. Уже позже, когда мужчины вышли на балкон покурить, а женщины принялись освобождать стол от грязных тарелок, чтобы можно было подавать чай и сладости, Манаф в хозяйском кабинете сел на диван возле Таира, листавшего журнал «Советское кино», и продолжил прерванный разговор:

– Так что же твои князья не сбежали за границу в семнадцатом году? Что же их не расстреляли в тридцать седьмом?

– Моя прабабушка Алиса хранила тайну происхождения своих детей, – неохотно отозвался Таир. Ему был неприятен насмешливо-развязный тон, которым брат задал свой вопрос, и не хотелось продолжать опасный разговор, потому как в любой момент могла возобновиться вспыхнувшая за столом ссора.

– Так что же твоя Алиса из страны чудес, много золотишка и бриллиантов припрятала? Ты теперь у нас богатый наследник, да?

Таир опустил журнал на столик, поднялся с дивана и с вызовом ответил:

– Золотишка-то немного. А вот картины у моего деда – бесценные! И я – действительно его единственный наследник. Ты от зависти бы лопнул, если бы их увидел!

– Все ты врешь, – злобно процедил Манаф, тоже поднимаясь.

– А вот и нет!

– Мальчики, идите к столу, – позвала из зала тетя Зейнаб.

В кабинет влетела Мехрибан и, стоя посреди комнаты в пышном розовом платье, с растрепавшими от беготни блестящими черными волосами и сбившимся на бок огромным красным бантом, захлопала в ладоши и закричала:

– Торт несут, с пьяной вишней торт! Мне самый большой кусок!

– Самая пьяная будешь, – ласково сказал Таир и, не взглянув на Манафа, двинулся вслед за Мери в зал.

Весь вечер малолетний потомок князя демонстративно отворачивался от Манафа и общался в основном с другим двоюродным братом – Кямалом, с которым они были ровесниками. Примечательно, что и фамилии у мальчиков были одинаковыми. Тетя Тахира умудрилась выйти замуж за однофамильца, и как была Ибрагимовой, так ею и осталась. А Таир с Кямалом, не имевшие родных братьев, вполне заменяли их друг другу. Ребята оба окончили седьмой класс, только в разных школах, и им было о чем поговорить.

Дома Таир спросил у отца:

– Пап, а чего Манаф такой националист? Он меня все время задирает.

– А ты не задирайся, – спокойно ответил отец. – Твою маму тоже не сразу приняли в нашей семье. Тетя Зухра вообще целый год после нашей свадьбы на порог к нам не являлась, пока ты не родился. Только тогда пришла нас поздравить и на племянника посмотреть.

– А почему она русских не любит?

– Я бы не стал говорить, что не любит. Скорее, не одобряет межнациональных браков. Ты же знаешь, что ради русской девушки муж Зухру бросил, и ей очень тяжело было одной растить сына. В институте на заочное отделение пришлось перевестись, нянечкой в детском саду работала... Это потом уже дядя Магомед на ноги встал, помог сестре квартиру получить, на приличную работу устроиться...

Ольга, уже переодевшаяся в байковую ночную пижаму, вошла в комнату со стопкой крахмального льняного белья, чтобы застелить раскладной диван, на котором спал Таир, и сказала:

– А ты бы, сын, поменьше хвастался своим дворянским происхождением! Ну-ка, князь, достань подушку из комода.

– А что, это не правда, да?

– Я, конечно, считаю, что все эти рассказы о князьях и поместьях – досужие вымыслы бабушки Алисы. Она была большая фантазерка. Но если даже в ее словах и была доля правды, то незачем трепаться об этом направо и налево. Надо жить так, чтобы своими делами можно было гордиться, а не тенями предков, которых ты и в глаза-то никогда не видел. Как и твой дед Петр. Это он тебе забивает голову семейными легендами?

– Никакие это не легенды!

– Не два барана! Не встретились! Не на мосту! Не рогами! – передразнила Ольга привычку сына к отрицанию и злоупотреблению частицей «не», и Таир, обиженный, выскочил из комнаты.

В следующую субботу он, как обычно, отправился к бабушке с дедушкой. Вообще-то, строго говоря, Софья Глебовна родной бабушкой Таиру не являлась, потому что деду его, Петру Глебовичу, приходилась не женой, а сестрой. Но мальчик в законы кровного родства особо не вникал, и называл Софью бабушкой, так ему было проще. С раннего детства почти все выходные дни мальчик проводил в большой квартире с высоченными потолками, которая была расположена на третьем этаже каменного дома дореволюционной постройки.

В этой квартире когда-то жила его прабабушка Алиса, и Таир хорошо помнил сухонькую бодрую старушку, которая привела его, четырехлетнего крепыша, за ручку поставила перед сидящим на диване Петром и сказала:

– Вот, полюбуйся! Внук твой.

И дед растерянно сказал:

– Какой он черный.

– Да уж какой есть! Других-то у тебя нет. Не негрityнок, и то, слава Богу!

– Еще чего не хватало, – поморщился Петр Глебович как от зубной боли.

Он рассматривал смуглого темноволосого мальчугана с тем напряженно-изумленным выражением лица, с каким ученый в лаборатории исследует подопытную крольчиху, разродившуюся вдруг вместо предназначенных ей природой крольчат какими-нибудь свино-ежиками. – Где ты его нашла?

– В капусте, – с усмешкой отозвалась Алиса. – Ольгу на бульваре встретила. Она медсестра в инфекционной больнице, а муж ее нефтяник, работает вахтенным методом. Иногда случается, что в субботу или в воскресенье у обоих выпадает дежурство, и тогда не с кем оставить ребенка. Приходится няньку нанимать. Вот я и подумала, почему бы тебе не брать внука на выходные, когда детский сад не работает.

– Мне? – изумился дед.

– А кому же еще? – возмутилась Алиса. – Дочь не растил, хоть внука понянчи.

А Таир посмотрел на Петра Глебовича с явным сомнением и заявил:

– Он – не нянька. У него ничего не получится. Кто меня кормить будет?

И Алиса Андреевна, всплеснув тонкими руками, побежала в кухню, а новоявленный дед спросил:

– Читать умеешь? – и, получив в ответ утвердительный кивок, протянул ребенку «Бакинский рабочий», – вот и читай, повышай образование.

И Таир принялся по слогам разбирать набранные крупным шрифтом газетные заголовки. С тех пор он перечел в дедовой квартире сотни книг и журналов. От многотомных изданий Аркадия Гайдара и Джека Лондона и толстых журналов «Нева» и «Иностранная литература» до тоненьких потрепанных книжонок. Все это хранилось в книжных шкафах, на стеллажах,

в фанерных ящиках под кроватями, в кладовой и на антресолях. В этой семье никогда ничего не выбрасывалось, работал принцип «все в дом – из дома ничего», и редчайшие фолианты соседствовали с брошюрами о правилах противопожарной безопасности на производстве и вреде алкоголизма, а старинные вазы – с надтреснутыми дешевенькими тарелочками и фарфоровыми слониками, установленными в количестве семи штук, мал мала меньше, на рояле.

Пока была жива прабабушка, она пыталась хоть как-то бороться с этим вещизмом. В отсутствие детей периодически устраивала генеральные уборки, в ходе которых отправляла на помойку кучу старого хлама и, увязав в тугие пачки старые газеты, относила их в ближайший пункт приема макулатуры. Но всякий раз после подобного «акта вандализма» со стороны матери ее сын испытывал почти физические страдания и глядел на нее с такой укоризной, что в следующий раз Алиса не скоро решалась на подобный шаг.

В чем был прав Манаф, и что особенно разозлило Таира во время разговора с братом на дне рождения Мери, так это в том, что поесть в доме деда действительно было практически невозможно. И дело было вовсе не в том, что внука не угощали. Он просто не мог питаться тем, что ему здесь предлагали. Массивный холодильник ЗИЛ был забит кастрюльками, чашечками и баночками, в которых месяцами хранились съестные припасы, непригодные к употреблению. Предполагалось, что засахарившееся вишневое варенье сойдет для выпечки пирогов, скисшее бочковое молоко – для приготовления мацони, позеленевшее сливочное масло – для жарки картошки, а заплесневевшие маринованные огурцы, если их помыть, можно покрошить в винегрет. Однако готовила Софья Глебовна крайне редко, наводила порядок в холодильнике и того реже, и потому Таир старался в него не заглядывать. А постные супчики и разваренные каши не вдохновляли даже в момент снятия их с плиты.

Вот и сегодня ему, вспотевшему и покрасневшему от нещадной бакинской жары, предложили «холодненького компотика», и мальчик, сильно подозревающий, что имеется в виду тот самый напиток, которым его поили еще на прошлой неделе, попросил «просто водички». Дед налил ему минералки из початой стеклянной бутылки с зеленой этикеткой «Бадамлы». Вода была холодной, но без газа, и Таир понял, что открыли бутылку как минимум пару дней назад. Но это было все же лучше, чем прокисший компот.

Мальчик вернул деду взятый в прошлую субботу в долг на покупку географического атласа рубль, прекрасно зная, что Петр Глебович этот рубль непременно возьмет, и тот действительно не оставил одолженную сумму внуку «на мороженое». Мать всегда говорила Таиру, что его дед «за копейку удавится». Но Таир уже давно перестал обижаться на дедушку с бабушкой, принял их образ жизни как данность и перестал уговаривать Софью купить новый телевизор взамен умирающего черно-белого «Рекорда» или просить деда подарить ему на день рождения одну из многочисленных развешанных по стенам картин. Аргументы у Глебовичей были железными. Телевизор прекрасно работает, надо только, пока он «греется», легонько по нему постучать. А картины, как и все остальное в этом доме, и так принадлежат Таиру. Вот помрут они, старики, кому все добро достанется? Конечно, ему – единственному внуку. А пока пусть тут повисят, сохраннее будут.

Да разве в рубле было дело? Ну, привыкли деды копить деньги, пусть себе и дальше собирают в кубышку, экономя на мелочах. Зато в этой большой захлавленной квартире школьник чувствовал себя абсолютно свободным. Он мог часами читать, лежа на протертом до дыр и потому застеленном темным покрывалом диване, и никто не говорил, что он испортит себе глаза. Можно было брать уроки музыки у Софьи, часами разговаривать с дедом и не нужно выносить мусор и пылесосить.

Дед рассказывал удивительные вещи, каких не найти было ни в одном учебнике истории. О декабристах и двадцати шести бакинских комиссарах, об Октябрьской революции и Отечественной войне, причем нетрадиционным образом интерпретированные исторические факты переплетались у него с личными воспоминаниями и рассказами его матери Алисы и отчима

Глеба. Слушать было настолько интересно, что дух захватывало, но, когда однажды Таир попытался на уроке истории выдать за свои несколько идей деда по поводу роли личности Ленина в российской истории, в школу вызвали мать.

Дома мальчику здорово влетело «за самостоятельность». Ольга битый час доказывала не по годам развитому подростку, что история, как и всякая наука, бывает официальной и неофициальной. А на уроках надо отвечать то, чего от тебя ждут и что предусмотрено в рамках школьной программы, а не то, чего нахватался в частных беседах с доморощенным политиком, каким является его дед. Даже если его мысли кажутся оригинальными.

Таир пожаловался деду. Но тот поддержал свою дочь:

– Я думал, ты уже достаточно взрослый мальчик, чтобы понимать, что есть вещи, до сути которых ты должен докопаться сам... и оставить ее при себе. Если бы я году этак в тридцать седьмом всем подряд говорил то же самое, что сейчас тебе наедине, меня бы уже не было в живых.

И Таир вздыхал: как хорошо, что у него есть хоть один дед. Ведь другого не стало именно в тридцать седьмом. Об этом рассказывала бабушка Суря, потерявшая мужа и оставшаяся в двадцать семь лет вдовой с четырьмя малолетними детьми на руках.

Что особенно удивляло внука, так это – как по-разному выглядели его бабушки. Суря была на десять лет старше Софьи, родила и одна вырастила четверых детей, нянчила многочисленных внуков, и была при этом бодрой и подтянутой, а все дни проводила в хлопотах и постоянно находила себе какое-нибудь занятие. В то время как ни о ком никогда не заботившаяся Софья вечно болела, жаловалась на хроническую усталость, давление, сердце и головные боли и с трудом взбиралась на третий этаж. Но отец объяснил Таиру, что, живя для других, продлеваешь свой собственный век, и он охотно усвоил эту истину, подтвержденную ярким примером азербайджанской бабушки.

Около шести вечера по субботам к Глебовичам приходила баба Паша. Она была давней подругой Софьи и осталась ею до старости, несмотря на то что еще до войны бойкая комсомолка и активистка увела у «растопши» Сонечки завидного жениха. Впрочем, разлучница недолго радовалась своему счастью: она и года не пробыла замужем, как муж ее погиб на фронте, так что делить подругам давно уже было нечего.

– Чай свежий, Софочка? – спрашивала баба Паша и заранее улыбалась, потому что ответ следовал всегда один и тот же:

– Свежий, свежий, вчера заваривала.

После этого Паша весело смеялась и, приговаривая: «Ох, Соня, все же есть в тебе что-то еврейское», – набирала в самовар чистейшей шолларской воды, которая текла из обычного крана, но по вкусу была сравнима с родниковой.

А когда самовар закипал, гостя заваривала индийский чай «со слоником», щедро засыпая ароматные чаинки в китайский фарфоровый чайничек, который ставился поверх самовара и укутывался махровым полотенчиком. Паша обычно приносила с собой завернутые в пергаментную бумагу пирожки с рисом, картошкой, капустой или печенкой. Все усаживались за обеденный стол, застеленный кружевной скатеркой, которую связала крючком еще прабабушка Алиса, и в доме создавалась атмосфера тихого семейного праздника. После чаепития усаживались играть в лото.

– Я буду кричать, – вызывалась баба Паша.

И она очень весело «кричала», ловко выхватывая из хлопчатобумажного мешочка крошечные бочоночки с цифрами, и для каждой было свое название. Одиннадцать – «барабанные палочки». Семь – «цветик-семицветик». Сорок пять – «баба ягодка опять». Девяносто девять – «шестьдесят шесть наоборот». Девяносто – «дед». После «деда» она восклицала:

– А ну-ка, посмотрим, сколько деду лет, – снова ныряла в мешочек, кидала быстрый взгляд на «бочонок» и веселилась: – Ого, а деду-то всего пять лет! Вот это дед так дед! А Таир-

чику нашему уже тринадцать. Ты же смотри, Софа, как только шестнадцать ему исполнится и паспорт будет получать, сразу же пропиши мальчика к себе. А то ведь пропадет квартира, отойдет государству.

– Непременно пропишу, – обещала Софья Глебовна.

Играли «на интерес», по копейке, и баба Паша с Таиром всегда выигрывали. Пока близорукие и медлительные близнецы разбирались со своими картонными карточками и в упор не могли разглядеть на них нужных цифр, их соперники успевали заполнить все клетки и выкрикнуть: «Хватит!» И дед, искренне сокрушаясь, вынимал из стаканчика с латунными копейками несколько монет, клал их на стол и медленно и торжественно придвигал к победителю. Таир обычно выигрывал за вечер по семьдесят-восемьдесят копеек, но всегда отдавал их бабушке «на горячие булочки», за которыми та рано утром и отправлялась.

Иногда посиделки плавно переходили в импровизированный концерт. Софья играла на рояле, а баба Паша, хотя и непрофессионально, но очень проникновенно пела, и Петр ей подпевал негромким приятным баритоном. А Таир взбирался с ногами на диван, садился по-турецки и, подперев подбородок кулачком, слушал старинные русские романсы про черную шаль, неверных жен и возлюбленных-изменников. Но гораздо больше ему нравились военные песни, которых в репертуаре этого трио было только две – «Землянка» и «Темная ночь», но обе исполнялись на манер все тех же романсов и выходили скорее жалостливыми, нежели жизнеутверждающими.

Иногда старички хулиганили: пели частушки и песенки с двойным подтекстом.

– А мой милый говорит, у него давно стоит, – звонко запевала баба Паша.

– На столе бутылочка, пойдем-ка выпьем, милочка, – озорно подхватывал дед.

И даже Софья веселилась, залихватски встряхивала седенькими кудельками и принималась импровизировать, перескакивая с одной популярной мелодии на другую. Позволяли себе и не совсем пристойные анекдоты, правда, никогда не произнося вслух нецензурных слов.

– Ты смотри же, Таирчик, дома не рассказывай, – увещевала баба Паша, – а то и не пустят тебя родители больше к деду, скажут, что плохому учим.

– Научите плохому, ну научите, – смеясь, просил он.

Возможно, по такому же неписанному сценарию события развивались бы и в тот вечер, но едва окончилось традиционное субботнее чаепитие с пирожками, как раздался телефонный звонок, и удивленная Софья сказала:

– Это тебя, Таирчик. Какой-то парень.

Удивился и внук. Номера телефона деда он никому не давал, и тем не менее, его разыскал Манаф и предложил поехать в воскресенье на пляж.

– А кто будет? – как можно равнодушнее спросил Таир.

– Ну, я, потом однокурсник мой и еще один наш общий друг. Пива возьмем, балык, весело будет.

Мальчик был вне себя от изумления. Он и помыслить не мог о том, чтобы двоюродный брат пригласил его в компанию своих взрослых друзей, и потому решил, что Манаф осознал, как сильно обидел его на прошлой неделе издевками по поводу родственников, и теперь заглаживает свою вину.

– Ладно, завтра в восемь утра буду, – пообещал Таир и засобирался.

Глебовичи никак не хотели его отпускать. Софья все твердила, что приличные мальчики после восьми вечера уже вообще на улицу не выходят, и он мог бы поехать завтра на пляж прямо от них. А баба Паша вздыхала: такая компания распалась! Но Таиру надо было взять из дома плавки, и он, торопливо распрощавшись со стариками, побежал к метро. Если бы знал он тогда, что видит бабушку и деда в последний раз! Если бы только мог себе представить, чмокая близнецов в мягкие старческие щеки, что в следующий раз приложится губами к их холодным белым лбам!

Назавтра в семь сорок пять Таир уже стоял у выхода из станции метро имени Азизбекова, откуда отправлялись рейсовые автобусы к загородным пляжам. В половине девятого, так никого и не дождавшись, он решил, что его разыграли и собрался уходить. И именно в это время на остановке, словно ниоткуда, возникли трое молодых людей. Впрочем, получасовая задержка для бакинца в порядке вещей и опозданием не считается. Восточные люди не не склонны к спешке и суете.

– Салам!⁷ – поприветствовал брата Манаф и представил своих друзей. Самед. Мирза.

При произнесении последнего имени Таир улыбнулся. Вспомнилась шуточная песенка «Меня зовут Мирза, работать мне нельзя. Пускай работает Иван и выполняет план». Мальчик сделал серьезное лицо и крепко пожал парням руки: отец учил, что у настоящего мужчины рукопожатие должно быть энергичным и сильным, иначе с первых же минут знакомства произведешь впечатление слабака и рохли.

– Куда едем: Бузовны, Загульба, Бильгя? – деловито спросил Самед, причем обратился именно к Таиру, как будто тот был среди них самым старшим или лучше других осведомлен о преимуществах того или иного загородного пляжа.

Удостоенный особого уважения облизал указательный палец и поднял согнутую в локте руку вверх:

– При таком направлении ветра лучше всего Бильгя.

На самом деле он не очень хорошо разобрался в розе ветров и еще хуже представлял себе карту Апшеронского полуострова. Выбрать именно Бильгя посоветовал с утра отец. Но почему бы не порисоваться перед взрослыми парнями?

Вчетвером они почти бегом двинулись к подъезжавшему автобусу, вот тут надо было поспешить, чтобы успеть занять места. Сорок минут трястись по ухабам, будучи зажатыми со всех сторон горячими и потными телами горожан – удовольствие маленькое. Штурм прошел успешно, и парни расселись по двое на изрезанных ножами и испещренных надписями дерматиновых сиденьях. В дороге в основном молчали, а как только доехали до конечной остановки и попрыгали с высокой ступеньки ЛАЗа на неровный асфальт, резко сменяющийся песчаными дюнами, Самед воскликнул:

– Ой, мама, море-море-море! Целый год на пляже не был!

Они выбрали место у самой кромки воды, прямо под открытым, уже начавшим припекать солнцем, и Таир деловито расстелил на горячем песке пожертвованное матерью сравнительно новое покрывало. Скинули туфли, брюки и рубашки, побросали на них наручные часы – и бегом в темно-синие волны Каспийского моря, в котором и утонуть-то трудно, настолько солоната вода.

– Какой лязят⁸, – это Мирза выбежал из моря и упал на покрывало. Горганый говор выдавал в нем жителя Шекинского района.

Подросток оглядел мускулистое тело нового знакомого, покрытое темной густой растительностью, и подумал, что зря пенял вчера матери на то, что не купила ему в этом сезоне новых плавок: вон взрослый уже человек купается себе в черных семейных трусах до колен и не акцентирует внимания на такой ерунде, как купальный костюм. Не во внешнем виде достоинство настоящего мужчины.

А в том, что Мирза – киши⁹, не было никаких сомнений.

Пока они купались, брат успел сообщить, что его друг всего добился в жизни сам. В армии отслужил, перебрался из отдаленного Шеки в столичный Баку, устроился на нефтеперегонный завод, прилично зарабатывает, в институте на вечернем отделении учится, а плавает как

⁷ Привет!

⁸ Лязят – удовольствие.

⁹ Киши – настоящий мужчина.

настоящий спортсмен. Таиру, несмотря на то что он регулярно занимался в бассейне, за таким пловцом, как Мирза, никак было не угнаться.

– Пошли за пивом сходим, – предложил брату Манаф.

Вернее было сказать, сбегает, потому что летних шлепок никто с собой не взял, в туфли влезать не хотелось, а пройти размеренным шагом по раскаленному песку не представлялось возможным, и они, обжигая ступни, вприпрыжку помчались к одиноко стоящему киоску. Манаф кинул на прилавок пару смятых рублевых бумажек, сказал: «Без сдачи», и ему дали четыре запотевшие бутылки из той партии, что только что подвезли, ибо холодильного оборудования в киоске не имелось, и остальные напитки были скорее горячими, нежели холодными.

Самед нарезал перочинным ножичком длинный брусок осетрового балыка, сочившегося золотистым жиром. Отец Таира делал такой балык сам, покупая у моряков свежую контрабандную осетрину и вывяливая ее или же коптя, подвешенную на металлических крючках над тлеющими опилками, в обычном оцинкованном ведре.

– Хороший пляж Бильгя. Правильно сказал Таир, чтобы сюда приехали, – заметил Самед, запивая прямо из горлышка кусочек отравленной в рот вяленой рыбы.

Мальчик налился гордостью от этой отдающей лестью похвалы, а Манаф рассказал не совсем приличный анекдот о том, как трое азербайджанских парней подцепили русскую Машку и повезли её ночью на пляж...

Таир, который смеялся громче всех, подумал, что этот анекдот, будь он рассказан на азербайджанском языке, звучал бы гораздо пикантнее. Его немного огорчало то обстоятельство, что новые друзья говорят по-русски исключительно из уважения к четвертому члену компании, который, в общем-то, обязан знать язык своих отца и деда. Мальчик подумал, что обязательно научится говорить по-азербайджански, а анекдот про «русскую Машку» его ничуть не смутил. Так уж повелось, что героинями непристойных шуток стали именно они, ибо никто не смел оскорбить обидным намеком азербайджанку – мать, сестру, дочь. Они выходят замуж честными девушками, сидят дома, рожают детей, хранят очаг и не позволяют себе тех вольностей, что допускают в своем поведении легкомысленные русские девчонки. А то, что у Таира была русская мать, так это совсем другое дело. Ольга – достойная женщина, а не какая-нибудь там «Машка», и потому Таира такого рода анекдоты не коробили.

Парни еще раз окунулись, снова сходили за пивом, которое уже не было таким холодным, но все равно приятно расслабляло, слегка пьянило и утоляло жажду. Мирза, улегшийся на спину поперек покрывала, гортанно произнес:

– Хорошо вам всем. Каникулы. Хоть каждый день на пляж можете ездить. А мне завтра на работу идти. Если бы не советская власть – вообще бы не работал. У меня ведь дед беком был. И я тоже мог стать богатым человеком. Сидел бы сейчас целыми днями под чинарой, чай пил. Четыре жены бы имел.

Таир рассмеялся. Вообразил себе Мирзу в чалме и полосатом халате в окружении четырех жен и кучи детишек, жующего рахат-лукум и запивающего сладость душистым чаем из расписной пиалы.

– Что смеешься? – улыбнулся и шекинец. – Манаф говорил, и у тебя прадед был из больших людей? Князь, да? Вот и ты сидел бы в своем поместье, на балы бы ходил, а не на завод... Расскажи о своем деде, похож он на князя?

– Да что рассказывать? Дед – самый обычный пенсионер, – смутился подросток и покосился на Манафа, пытаясь понять, не подстроил ли тот разговор специально, чтобы еще раз высмеять его. – Живет как все.

– Вот именно, как все, – печально сказал Мирза. – А сохранил бы богатство предков, на карете бы разъезжал.

Таир представил катящую по Коммунистической улице золоченую карету с кучером в ливрее и Петра Глебовича в собольей шубе посреди лета и снова рассмеялся. Нет, не вписывались ни беки, ни князя в современную действительность!

– Миллионеров и сейчас полно, только не у нас, а в Америке, например. И происхождение тут ни при чем. Главное – уметь делать деньги, – сказал Манаф.

А Мирза возразил:

– Заработать капитал – это одно дело. Другое – то, что дано тебе по праву рождения.

Зараженный идеями коммунизма и воспитанный в духе марксизма-ленинизма Таир понимал, что если будут богатые, то непременно – и бедные, и не считал, что кто-то должен работать на него, обычного школьника. И все же очень приятно было осознавать, что он не такой, как все, – особенный. И предки у него не какие-нибудь там крепостные крестьяне или наемные работники без роду-племени, а благородные люди голубых кровей.

– Мой дед заработал для своих внуков право жить богато, – продолжил свою мысль Мирза. – Почему же у него все отняли, разорили? Он ведь даже припрятать ничего не успел. Твои-то успели, Таир?

– Прабабушка вывезла из Петербурга картины, когда бежала оттуда в семнадцатом году.

– Картины – это не бриллианты, на них не разбогатеешь, – заметил Самед.

– Смотря, какие картины, – возразил потомок русского князя. – Вот у деда, например, коллекция русского авангарда конца девятнадцатого – начала двадцатого века. Бабушка занимается музыкой с ученицей, а мать этой девочки – искусствовед. Однажды она при мне приходила за дочерью и сказала, что такие дорогие картины нельзя хранить в обычной квартире, им место – в музее. Предлагала деду сдать картины, говорила, что их у него могут даже выкупить, правда, не за полную стоимость – таких денег и в городской казне-то нет!

– А он что? – спросил Мирза. – Не согласился?

– Да ты что? Разве он расстанется со своими картинами? Это же память об его отце. Дед старые газеты – и те не выбрасывает!

– Опасно в квартире такие ценности держать, – заметил Самед.

– А у них посторонних не бывает. Две девочки-ученицы, да одна старая знакомая. И все. И всегда кто-то дома – или бабушка, или дедушка. Они вообще никуда не ходят. Дед в шесть утра встает, выходит на бульвар воздухом подышать, по пути в киоске берет свежую газету. Посидит на лавочке с часик, почитает, морем подышит – и назад, домой. Бабушка сразу после его возвращения за продуктами отправляется. Каждый день что-то покупает, но понемногу, чтобы тяжести не носить. Они почти и не едят ничего, только деньги в картонную коробку из-под обуви складывают. Зачем, спрашивается? Сколько раз уговаривал телевизор новый купить, бесполезно, – разболтался Таир и вдруг осекся: кому интересны подробности стариковского быта? Но трое его молчаливых собеседников слушали с напряженным вниманием, и вдохновленный Таир продолжил: – Их трехкомнатная квартира со временем моей станет. Вот тогда я наведу в ней порядок. Весь хлам разгребу, ремонт сделаю... Машину себе куплю.

– Да, – мечтательно вздохнул Самед, – трехкомнатная квартира в центре города – это не панельный дом в Ахмедлах. Этаж какой?

– Третий.

– Здорово, – согласился и Мирза. – Обеспеченным человеком станешь. Не забудь тогда в гости пригласить...

– Самым дорогим гостем за моим столом будешь, – горячо заверил Таир, выпуская из виду то обстоятельство, что, завладев в мечтах квартирой Глебовичей, он как-то невзначай мысленно уже похоронил бабушку и деда.

– Собираться пора, – озабоченно сказал Самед, – совсем жарко стало.

И все согласились с тем, что надо уезжать, не то можно получить солнечные ожоги. А поскольку народ в это время только еще прибывал на пляж, уехали парни с ветерком и отно-

сительным комфортом в полупустом автобусе. Причем Таир, выпивший с непривычки целых две бутылки пива и разморенный морем и солнцем, даже задремал, прислонившись головой к оконному стеклу, и очнулся только при подъезде к станции метро, от которой они несколько часов назад стартовали.

– Ты хороший парень, Таир, – сказал на прощание Мирза. – Если кто тебя обидит – мне скажи.

Мальчик пока не представлял ситуации, при которой пришлось бы обращаться за помощью к старшему другу, но слышать такие слова было приятно, и он, польщенный, пообещал непременно сразу же связаться с Мирзой, хотя ни телефона, ни адреса ему не оставили.

В пятницу Таир позвонил деду, осведомился о здоровье, услышал в ответ обычное «потихоньку», напомнил, что завтра придет, и намекнул, что для Софьи будет маленький сюрприз. Сюрприз и вправду был вещью незначительной, но крайне необходимой в хозяйстве. Мальчик смастерил для бабушки из медицинской бутылочки брызгалку для белья, проделав в пластиковой пробке дырочки при помощи разогретой на газе иголки. Сил не было смотреть, как Софья набирает полный рот воды и с шумом разбрызгивает ее по ветхим простыням перед тем, как их проутюжить. Новое постельное белье здесь стелили только Таиру.

И вот он взбежал по крутым ступеням каменной лестницы на третий этаж старинного дома, сжимая газетный сверток с брызгалкой в потной руке, изрядно запачканной типографской краской, и позвонил в дверь. Никто не отозвался. Таир позвонил еще раз. Тишина. Он забеспокоился. Быть такого не могло, чтобы никого не было дома. Прислонился ухом к двери, чтобы послушать, что там, за дверью, и неожиданно она подалась.

– Здравствуй, я пришел, – громко сказал Таир, разуваясь в прихожей. – А почему все нараспашку? У вас сегодня день открытых дверей?

Тишина.

Мальчик вошел в полумрак комнаты с зашторенными окнами, служившей гостиной, и замер на пороге. На диване, развалившись в странной, неестественной позе, застыл его дед. Голова откинута на мягкую спинку, руки свисают с сиденья, на котором валяется раскрытая книга, по голубой шелковой майке растеклось темное пятно...

– Ты чего, дед? – испуганным шепотом спросил Таир, не решаясь подойти ближе и заранее предчувствуя, что ему не ответят.

Газетный сверток с сюрпризом для Софьи выпал из рук и покатился по деревянному полу. Мальчик в одних носках опрометью бросился вон из квартиры, закричал, забился в соседнюю дверь. Открыл пожилой седовласый азербайджанец в спортивных брюках и белой майке. Таир знал, что это профессор, преподающий в университете математику, и схватил его руку, потянул за собой:

– Помогите! Помогите, – все другие слова вылетели у него из головы.

– Ня олуб, ай, оглан?¹⁰ Зачем так кричишь? – недовольно отозвался сосед, но влекомый Таиром, двинулся за ним следом.

– Там дедушке плохо, «скорую» надо, – выкрикнул Таир, боясь еще раз взглянуть на распростертое тело и пропуская профессора вперед, – а бабушки дома нет.

– Вахсей¹¹, – только и сказал сосед, подойдя к дивану, на котором полулежал Петр Глебович, а потом повернулся к Таиру. – Иди, мальчик, к нам домой, иди скорей!

Но было поздно. Он уже увидел то, чего не заметил в первый раз. И скатанную ковровую дорожку, из которой торчали полные ноги в женских босоножках, и пустые картинные рамы, сваленные в углу, и страшную рану на виске деда.

¹⁰ Что случилось, мальчик?

¹¹ Вахсей – восклицание, обозначающее удивление.

– П-п-п-п, – Таир хотел сказать: «Позвоните в милицию», но выговорить ничего не смог. Он еще не знал, что с этого момента начал заикаться, и в минуты сильного душевного волнения будет «спотыкаться» на согласных звуках всю дальнейшую жизнь, но уже понял, что ни бабушке, ни дедушке помочь ничем нельзя.

Профессор увел Таира в свою квартиру, где тот забился в кресло и принялся горько плакать. Так сильно он не плакал никогда в своей жизни – ни до этой трагедии, ни после. Судорожные рыдания сотрясли худенькое тело, футболка промокла от слез, и пожилая жена профессора, сначала суетившаяся возле мальчика, пытавшаяся напоить его чаем, положить на лоб мокрое полотенце, вскоре поняла, что лучше пока оставить его в покое. Он должен был выплакать свое горе.

Потом приехали милиция и «скорая помощь». Оперативные работники принялись снимать с мебели и картинных рам отпечатки пальцев, фотограф – делать снимки места преступления и тел погибших. Молоденькая медсестричка зашла в соседнюю квартиру и сделала Таиру успокоительный укол. И только увидев женщину в белом халате, мальчик вспомнил о том, что надо было позвонить родителям. Это была инерция сознания. Он четко знал, что Петр Глебович – его дед, но постоянно выпускал из виду, что Ольга – его дочь.

Таир набрал домашний номер телефона, но, услышав в трубке голос отца, принялся так сильно заикаться, что просто протянул трубку профессору, чтобы тот сам сообщил о трагедии. Потом тела бабушки и деда увезли, но мальчик этого не видел. Он больше никогда не входил в квартиру, которую давно привык считать своей. Отец забрал его от соседей деда и на такси увез домой, а мать осталась для дачи показаний сотрудникам милиции. Но их больше интересовала не Ольга, которая в последний раз была в отцовской квартире пятнадцать лет назад, а Таир. Только он мог поведать об образе жизни погибших, описать их знакомых и похищенные предметы.

Когда баба Паша в шесть часов вечера пришла с пирожками, она застала в квартире на улице Мясникова только Ольгу Петровну, понятых и двух оперативных работников, все еще составлявших протокол осмотра места происшествия. Узнав о гибели друзей юности, она всплеснула руками, выронила на пол пакет с пирожками и вдруг запричитала:

– Я знаю, кто убил! Я его видела. Он за квартирой следил!

Только в милиции Таир узнал, что бабу Пашу зовут Павлина Андреевна Орешкина, что ей пятьдесят восемь лет и что именно она дала первые важные показания следствию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.